

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

*Сергей Ежов
На краю Дикого Поля
Часть 1*

Сергей Ежов

На краю Дикого Поля. Часть 1

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ежов С. Ю.

На краю Дикого Поля. Часть 1 / С. Ю. Ежов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-96844-8

Эпоха Ивана Великого ещё только-только начинается, впереди - взятие Казани, Астрахани, борьба за выход к Балтике... И в это время проваливается сознание нашего соотечественника, простого школьного учителя географии, весьма посредственно знающего курс истории, да и по остальным дисциплинам знающий что-то такое, что осталось от школьного курса почти шестидесятилетней давности. Да, наш герой служил в ГРУ, но служил он в мастерской по ремонту приборов артиллерийской разведки, и даже на зарядку выходил не каждый день. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96844-8

© Ежов С. Ю., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава первая,	6
Глава вторая,	13
Глава третья,	21
Глава четвёртая	39
Глава пятая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Ежов
На краю Дикого Поля. Часть 1

Посвящаю моей дочери Ирине

Глава первая,

**в которой меня забрасывает из майского дня 2018 года
в майский же день, но неизвестно когда и неведь куда,
да к тому же, в весьма стеснённые обстоятельства**

Майские грозы в Черноземье совсем не редкость, но эта, веселящаяся за окном, чуточку необычна: не припомню, чтобы так грохотало во время уроков. Хорошо поливает, и гром грохочет славно. У меня «окно», то есть, свободное от урока время, и я стою у открытого окна кабинета географии, любуясь грозой. Школа у нас одноэтажная, очень уютная, из окна я вижу грядки пришкольного участка, за ними, у забора, ряд деревьев – яблони, сливы и ивы, а за забором выгон, за выгоном видны дома, а за домами, за полем, скрытые сейчас дождём (славно всё-таки поливает), асфальт, лесопосадка и железная дорога. А как чудесно дышится! Так и хочется выбежать под дождь, да и пошлёпать босыми ногами по лужам. Хочется, да нельзя. Такая эскапада обернётся приступами радикулита, люмбаго, а то и чем похуже: старый я уже, седьмой десяток разменял, так что самое большое что могу себе позволить, так это открыть окно и любоваться дождём. Это интересно. Вот по нижней кромке туч пробежала горизонтальная молния, тут же басовито громынуло, а на сетке забора, как бы в ответ, возникло свечение. Возникло, стало наливаться светом и мощью, да и оформилось в жёлто-оранжевый шар, величиной с кулак. Опа! Да это же шаровая молния! Первый раз в жизни наблюдаю это явление. Видно отлично. Дождь немного отодвинулся, льёт над выгоном, а у школы разве что отдельные капли шлёпают, но это ненадолго – вон, слева надвигается серая стена. Шаровая молния тем временем отлепилась от заборной сетки и поплыла к школе. Поперек ветра. Прямо ко мне. Неправильный какой-то шар. Страх нет, есть любопытство. Опасно, конечно. Говорят, что если шаровая молния как следует взорвётся, то может много бед натворить. Может и убить. Хотя мне-то чего бояться? Своё я отжил, однако если учителя географии и ОБЖ прямо в классе прихлопнет молния, то у школы и лично у директора будут неприятности, а это вовсе лишнее, не хочу его подводить, хороший он человек, и специалист прекрасный. Потянулся я закрыть окно, но не успел – неправильная молния вдруг ускорила, да и влетела в класс, ловко обогнув оконную створку. Ага! Вот в чём неправильность шаровой молнии: это вовсе не шар, а эдакий неправильный многогранник, как будто цветной бриллиант, над которым потрудились кособорудный ученик бездарного ювелира.

Словно услышав насмешливую мысль, шаровая молния развернулась, и двинулась на меня, вытягивая в мою сторону лучик. В точности как амёба вытягивает ложноножки. Тянулась-тянулась, да и дотянулась. Долбануло здорово, но вместо всяких искр увидел я падающее сквозь потолок, сквозь листья и виноград потолочных обоев, прямо на меня, огромную плоскость, вроде меча. Падала она падала, да и рассекла меня ровно на три части – один я плавно отступил от молнии с ложноножкой, причём меня он не видел. Другой я, с дырой в груди, а значит мертвее мёртвого, упал в обледенелый сугроб и растаял, а я, оглушенный и полуослепший, отступил назад да и упал во что-то неподатливое, лежащее среди высокой травы. От боли потерял сознание, но перед тем успел заметить, что и кабинет географии, и школа растаяли в воздухе. А вот куда упал, заметить не успел.

Очнулся я в весьма неприятном состоянии: лежу на земле среди цветущих ирисов недалеко от речки, руки связаны за спиной, но это ещё полбеды – вижу, что ко мне идёт с ножом в руках запорожский казак. А может и не запорожский и не казак, эдакий крайне неряшливо

бритый и чубатый жлоб. И ножик в его руках очень убедительный. Острый даже на вид. Да и рожа у этого бандита совсем не дружелюбная. Подельника бандита я тоже вижу – он засунул здоровенную сумку в яму под корни вербы, торчащей из обрыва, и навалился на куст, закрывая тайник.

– Кончай его, да поехали! – это он кричит казаку, что идёт ко мне.

Хотя, почему казак? Казаки, как нынче всем известно, зря никого не связывают, и, тем более, не режут, потому как они ужасно благородные борцы за веру, царя и отечество, а плохие – это татары, мусульмане.

– ОПА! – пронзает мысль – А с какого перепугу я понимаю татарский язык?

– А с такого – трезво и ехидно отвечаю сам себе – потому что попаданцам так положено. Мы, попаданцы, знаем все на свете языки, во все времена. Хотя по совести, тут я не должен понимать даже русских. Вон, у татарина фитильное ружьё, а это даже не восемнадцатый век, а малость пораньше.

А татарин, между тем всё приближается, уже совсем рядом.

Ну что мне остаётся делать, со связанными-то руками? Дождался, когда татарин подойдёт, да и вмазал ему промеж ног сапогом. Кстати, отличный сапог – зелёный, из незнакомой кожи, с тиснением, а носок сапога окован узорчатой серебряной пластиной. Второй ногой ударить не смог потому что шпора в земле увязла, за корни зацепилась. А чего хотел дурной татарин? Что я буду лежать и ждать когда меня зарежут? Нет, лучше уж я сам на его могилке спляшу.

Татарин отлетел в сторону, но быстро встал, и враскорячку бросился опять на меня. Ножик он так и не выпустил из рук, и за мошонку (после такого-то удара!) не ухватился. Броситься-то он бросился, но не добежал: откуда-то прилетела стрела и воткнулась ему в живот. Второй татарин вскочил на лошадь и поскакал в сторону, но тоже недалеко успел: две стрелы, одна в шею навывлет, а другая в спину, сбросили его на землю. Татарская лошадь тут же остановилась и принялась щипать траву, совершенно не обращая внимания на остывающего хозяина.

Из-за молодого ольшаника показались трое моих спасителей. Это были бородатые мужики в довольно выцветших зелёных кафтанах, суконных шапках того же цвета, на ногах – тяжелые крепкие сапоги. У переднего в руках короткое копьё с широким лезвием, на боку висит сабля. Двое других с луками в руках. Тетивы не натянуты, но стрелы наложены, в зубах держат ещё по стреле. Внимательные глаза сканируют окружающее. На меня они глянули только вскользь: оценили, что не враг, что не ранен, что срочная помощь не требуется, и продолжили движение. Я слегка обиделся: а почему мужики не бросаются меня спасать, но подумав понял: татар двое, а лошадь только одна. Значит, где-то рядом должен быть ещё один или несколько бандитов с остальными лошадьми. Даже я знаю, что по степи на одной лошади не ездят, нужны заводные, а на боевых конях, так вообще кроме как в бой да на смотр, да покрасоваться и не ездят. По возможности, конечно. Пешком-то по степи передвигаются, разве что, в отхожее место, потому что только оно в степи близко, а остальное, даже близкие соседи, далеко.

Мужики не зря сторожились. Из-за поворота оврага выскочили двое верховых, на ходу целящиеся из ружей. Я четко видел, как как татары, почти синхронно навели свои ружья и плавно потянули спусковые крючки. Но... выстрелы грянули с задержкой, и в это время наши лучники (для меня они уже стали своими. Давно. Несколько секунд назад) прыгнули в стороны, и послали свои стрелы, да не по одной. Правый татарин уже валился со стрелой в глазу, а левый с двумя, по штучке в каждом плече. Наши резво рванули вперед, мимоходом ткнув ещё живого татарина копьём в горло, и скрылись за поворотом оврага. Вернулись быстро, минут через пять, довольные, с десятком лошадей, привязанных уздечками к длинной верёвке.

Пока они там воевали, я кое-как встал.

Один из мужиков, по виду главный, на ходу вынимая нож, пошел ко мне, а остальные принялись раздевать трупы татар, складывая в кучки оружие, одежду, а отдельно – кошель, разной степени наполненности. Главный же мужик... Стоп! Я не должен называть этих воинов мужиками даже мысленно и про себя. Если ненароком ляпну такое слово, то в лучшем случае получу словесную отповедь, а в худшем – клинок в брюхо, так как нельзя в эту эпоху называть воина крестьянином, смердом. Сословное общество, у него свои законы.

Главный из воинов подошел ко мне. Несколько секунд мы молча рассматривали друг друга, и увиденное мне понравилось. Передо мной стоял статный, крепкий мужчина выше среднего роста. На вид лет сорока, русоволосый, голубоглазый, с мужественным, обветренным лицом, украшенным аккуратно постриженными усами и бородкой. Хорошее лицо. Мужественное. Я повернулся к нему спиной и протянул связанные руки. Кожи коснулось лезвие ножа, одно движение, и обрезки веревки упали на землю.

– Кто таков, добрый человек? – голос у воина тоже хороший: сильный, твердый, приятный. Командный голос.

– Извини, доблестный воин, но этого я тебе сказать не могу – вижу, как брови воина хмурятся – потому что сам не знаю. Я только что пришел в себя, и даже имени своего не помню.

– Хм... Ладно, разберемся позднее. Видимо у тебя от удара память отшибло, эвона какой кровоподтёк на голове. Впрочем, и так видно по одежде и речи, что непростой ты человек. Поедешь с нами.

– Как будет угодно, я и сам хотел просить о том же. От всей души прошу принять мою благодарность за спасение от разбойников. И хотя я не помню своего имени, прошу тебя, доблестный воин, назвать своё, чтобы я мог знать, за кого вознести молитвы.

– Я всего лишь выполнил свой долг – учтиво отвечает воин. Моя речь ему явно пришлась по душе. – Имя моё князь Сергей Юрьевич Мерзлякин.

– А в какой местности мы находимся?

– На границе Северной земли Русского царства и Дикого Поля. Речка, у которой мы стоим, именуется Ольшанкой.

Меня просто ошпарило этими словами. Ещё бы! Я попал в точности в то место, где я и был, только куда-то в прошлое... наверное. Местность вокруг была совершенно непохожа на современную мне: во-первых, Ольшанка оказалась полноводной рекой. Небольшой, конечно, но ведь и стоим мы недалеко от истока. Во-вторых справа и слева, ближе к реке, росли дубовые рощи. Собственно, и место где мы стояли, тоже было прикрыто со всех сторон кустарником. Ну и главное: села Ольшанка тут просто не существовало. Метрах в двухстах, там, где стояла (или будет стоять?) школа, была поросшая густой травой возвышенность, и стоял там, хмуро на нас поглядывая, здоровенный бык. Не знаю, зубр это или тур, но рога у него были не меньше чем по полметра.

– Ольшанка значит... А скажи князь Сергей Юрьевич, Ольшанка впадает в Псел, а он, в свою очередь, в Днепр?

– Истинно так. Значит, что-то ты помнишь?

– Вспоминаются обрывки, а целой картины нет. Скажи, князь Сергей Юрьевич, а кто сейчас царствует на Руси?

– Царь и великий князь Иоанн Васильевич, из рода Рюриковичей.

– А давно царствует царь и великий князь Иоанн Васильевич, и какой сейчас год?

– Год сейчас семь тысяч пятьдесят шестой, а царь и великий князь Иоанн Васильевич венчался на царство о прошлый год

– Семь тысяч пятьдесят шестой год?

– Верно ты привык к латинскому летоисчислению?

– Да, князь, привык.

– По латинскому счёту сейчас тысяча пятьсот сорок восьмой год.

- Благодарю за рассказ, князь Сергей Юрьевич.
- Не стоит, право. А сейчас мы поедем.
- Прости великодушно, князь, но позволь мне умыться. Надо привести себя в порядок.
- Изволь, добрый человек, река рядом.

Я спустился к Ольшанке и разделся по пояс. Место для осмотра оказалось удачным: спокойную воду затеняли прибрежные кусты, а в лицо мне светило яркое солнце. Из воды на меня глянул молодой человек лет двадцати с небольшим. Волосы темные, лицо круглое, украшенное усами и трехдневной щетиной, лоб высокий, выдающаяся челюсть, брови густые, нос толстый, но не картошка, губы средние, плотно сжатые. Глаза, похоже, серые. Впечатление человека умного, волевого. Эка я моментально составил словесный портрет! Видимо сказался опыт почерпнутый из чтения детективов.

Умылся оттирая руки и лицо прибрежным песком. Один из воинов подал мне рушник, которым я, с благодарностью, и воспользовался. Снова натянул на себя нижнее белье, рубаху и кафтан, поражаясь какое оно всё пропотевшее и вонючее.

Ну что, товарищи, старшина Мазулин к походу и бою готов.

Воины подвели нам татарских коней. Князю, конечно, самого лучшего, впрочем и мне достался ненамного хуже. Дрянные, вообще-то коняшки, низкорослые, пузатые. Хотя и молодые, но спины уже прогнутые, или это порода такая? У нас, в колхозе, там, где остались, лошади куда как получше, хотя те тягловые, а эти боевые. Хотя, чего я придираюсь – между ними века селекции.

Двинулись на север. На лошади я ездить умею, всё-таки вырос в колхозе, хотя всяким хитростям вроде джигитовки или выездки не обучался. Но «собакой на заборе», тоже не оказался, во всяком случае, князь и его воины надо мной не смеялись. Проехали несколько километров, и к нам присоединились ещё десяток воинов, а к вечеру, уже у речка Ржава, ещё полсотни. Я рассматривал воинов, удивляясь разнообразию их вооружения. Как мне кажется, одинаковых шлемов не было ни у кого. Сабли, тоже самые разные. Доспехи, в основном кольчуги и пластинчатые. У некоторых – тягиляи, причём, не только у бедных. У князя Сергея Юрьевича тоже тягиляй, но дорогой, шелковый, обшитый красивыми шнурами.

У Ржавы переночевали, и тут меня постигло первое в этом мире разочарование. Я много читал у того же Алексея Константиновича Толстого, в «Князе Серебряном», что средневековая еда очень вкусная. Ответственно заявляю: полная чушь. Кашевары приготовили кулеш, а это оказалась редкостная дрянь, никакого отношения к кулешу моего времени не имеющая. Во-первых, крупа оказалась очень хреново помолотым овсом, пополам со столь же поганно помолотой пшеницей. Что овёс, что пшеница изначально были скверно очищены, и на крупе не только оставались плёнки, так ещё и ости попадались в кулеше. Зато в кулеше было много солёного сала. Некоторые люди любят сало, но я к таковым не отношусь, может потому что в прошлом теле у меня с детства была не очень здоровая печень. Впрочем, нет худа без добра: благодаря этому недугу я не спился в перестройку, как многие из моих друзей и родных. Одно утешило: я был так голоден, что вся порция проскочила незаметно, и добавка вовсе не помешала бы. Но так как добавки никто не предложил (воины князя самостоятельно подходили к котлу), то я не стал ни просить, ни сам подходить, ибо начальному человеку это невместно.

После ужина я, предупредив князя, спустился к Ржаве и сняв с себя всё до единой тряпочки, отстирал одежду. Щёлок и рушник, на этот раз без вышивки, но чистый и свежий, без просьб и лишних слов, мне принёс воин, молчаливо наблюдавший за мной со стороны. Так же молча он принёс мне чистое нижнее бельё с завязками, и шерстяное одеяло, в которое я тут же с благодарностью и укутался.

Господи боже ж ты мой! До чего мне здесь хорошо!!! Весь день я скакал на коне, а состояние организма просто идеальное! Ничего не болит, нигде не мозжит, никуда не отдаёт... Не скрипят суставы, не ноет хребет, и даже зубы в моём рту в полном комплекте. Молодость есть молодость, но её ценность понимаешь только потеряв годы и здоровье. Клянусь, если меня не отправят обратно, буду ухаживать за этим телом со всем возможным тщанием. С этим я и уснул.

Поутру двинулись на запад, забирая чуть к северу. Ехали не торопясь, не пренебрегая разведкой. Передовой и боковые дозоры постоянно появлялись в виду и подавали сигналы. Вообще-то я служил в Армии, и кое-что в передвижении войск соображаю, хотя та армия и это войско различаются довольно сильно, хотя и не принципиально. Как были так и остались главными личная выучка, моральное состояние, но важнее всего – ум и воля командира. У нашего командира с этими качествами всё было в порядке.

Видимо я считаюсь ценной фигурой: князь держит меня недалеко от себя и довольно часто достаивает беседой. Я стараюсь узнать у него подробности местной жизни, при этом не затрагивая военных вопросов и актуальной местной политики, чтобы не показаться шпионом. Но ключевые имена и события звучат, а я мотаю их на ус. Со своей стороны я рассказываю князю об Индии, Африке, Китае, о Южной и Северной Америке.

– Есть в Америке, земле, которую вы называете ещё Западной Индией, или Вест-Индией, растения, которые пригодились бы и твоей Родине, да и в твоей личной вотчине принесут немалый доход, князь. Это картофель, именуемый некоторыми людьми потато, кукуруза, именуемая ещё маисом и томат, который франки ещё именуют падм д амур или помидор.

– Чем хороши эти растения?

– Картофель есть корнеплод, который размножается в основном клубнями. Каждая посаженная картофелина даёт от пяти до двадцати клубней величиной с полкулака, а то и с кулак, пригодных для употребления в пищу. Картофель можно варить, жарить, тушить, запекать как самостоятельно, так и вместе с мясом, другими овощами, а в случае заболевания цингой, протертый в кашницу сырой картофель очень быстро исцеляет несчастных.

– Цинга это что за болезнь?

– Её ещё называют скорбут. Ещё одно целительное свойство картофеля – лечение загноившихся небольших ран, например воспалений после заноз. Ну а главное достоинство этого овоща – его плодovitость. Урожай он даёт сам-десять, и это в самом неурожайном году. А в этих краях он будет ещё плодovitее. Ну и наконец картофель можно использовать для корма скоту. Свиньи, к примеру, на нем хорошо и быстро жиреют. Кукуруза также являет собой ценнейшую культуру. Каждое растение даёт два-три початка, содержащих в себе до сотни зерен, а каждое зерно весом равно пяти-семи зернам пшеницы или ржи. Хлеб из кукурузы не очень вкусен, зато питателен. Из кукурузы можно делать крупы. Ещё важно то, что из кукурузы можно давить масло, мало чем уступающее оливковому, равноценное конопляному и льняному, при этом оно много дешевле оливкового, да, пожалуй и льняного масла. Подсолнечник немного похож на известную тебе ромашку, только лепестки жёлтые, а на плодном диске находятся крупные семена, размером с пшеничное зерно, помещенное в твердую оболочку. Из семян давят масло, а жмых используют на корм скоту. Ну и каленые семена подсолнечника можно грызть как орешки.

– Да, видимо это действительно полезные растения. Надо обдумать твои слова.

– Если ты, князь, найдёшь выход на испанских или португальских купцов, торгующих с Вест-Индией, то у них можно заказать семена этих растений. Но картофель лучше купить и в виде клубней, и в виде семян, поскольку из семян он вырастает мелкий, а крупным он станет после вторичного посева. Это как с луком: мы сеем семена, получаем севок, и уже из севка получаем лук.

– Испанские или португальские купцы? Да, это возможно. Через крымских купцов я закажу эти растения. Но ты не рассказал ещё об одном.

– Да, я упустил помидоры. Это довольно крупная ягода, плоды её бывают разных размеров и зависят от сорта. К примеру у сорта черри плоды размером с мелкую сливу, а самые крупные дают плоды размером с два кулака. Помидоры обладают приятным кисло-сладким вкусом, и их едят в сыром виде, в виде салатов, давят из них сок, помидоры можно уваривать в густую пасту и заготавливать на зиму. Очень вкусно, если добавлять помидоры в щи или борщ... Но должен предупредить, что помидор почему-то считается ядовитым растением, и чтобы доказать тебе обратное, готов буду съесть сколько угодно спелых помидоров. Ну и ещё предупрежу: я не знаю, как эти плоды называют испанцы. На всякий случай я бы попросил, чтобы твой человек скупал все доступные семена из Вест-Индии, а я, если Бог даст, постараюсь возместить твои расходы на них.

На самом деле деньги у меня есть: я ведь не сказал князю о кожаной сумке, которую спрятал воровской черкас в выбоину под кустом. Деньги не деньги, но что-то очень ценное в той сумке есть, было видно что сумка тяжеленькая.

Так мы и двигались, по команде меняя заводных лошадей, по команде же, оправлялись, отдыхали и выдвигались в путь. Без суеты менялись дозорные, поступали доклады о всех замеченных встречных. Говорю же, князь оказался опытным и очень дельным командиром.

Лесостепь ложилась под копыта наших коней, и была совсем не похожа на оставленную мной. Разнообразие трав поражало воображение, а количество живности было просто за пределами. В траве шныряли грызуны, кое-где мелькали лисы, иногда встречались стада косуль, сайгаков, оленей, кабанов. Видели косяк диких лошадей. Буквально из-под копыт взлетали куропатки, удирали или улетали дрофы и стрепеты. Впрочем, понятно почему сейчас всего много: потому что мало людей. За неделю, что мы двигались к Рыльску, нам не встретилось ни одного поселения, только две группы всадников у горизонта, которых князь уверенно идентифицировал как воровских черкасов. Кстати, разбойники, которые собирались меня убить, тоже оказались воровскими черкасами, это по терминологии этого времени, а по привычной мне – казаками. Князь, надо сказать, считал казаков сволочью без чести и совести, готовых служить тому, кто платит, при этом готовых в любой момент предать нанимателя и ударить ему в спину. По этой причине и русские, и литовцы, и поляки, и турки, и крымские татары по возможности использовали казаков, но не доверяли им ни на грош. Знаю я эти рассуждения, они и через тысячу лет не изменятся: на моё поместье напали – воры и грабители. Я ограбил соседей – благородный дворянин совершил доблестный набег. Я убежал в Литву – я вправе сменить властелина на более благосклонного. Мой слуга удрал – подлец, негодяй, предатель.

Средневековье! И нравы тут средневековые.

И по прошествии почти недели мы достигли Рыльска. Оказалось, что древний Рыльск несколько не похож на современный мне. Городок населением, на мой взгляд, никак не больше трех-пяти тысяч, если не меньше, был обнесен деревянной стеной с деревянными же башнями. Караульная служба показала себя во всей красе: ещё мы на показались ввиду города, а с башни на пригорке кто-то уже дал сигнал дымом. У предмостного укрепления нас встретил десяток воинов снаряженных и вооруженных по-боевому. На башне стояли лучники, а из амбразуры выглядывал ствол пушки калибром сантиметров десять.

– Как исполнил службу князь Сергей Юрьевич? – после приветствия, с лёгким поклоном поинтересовался десятник.

– Слава Богу, всё благополучно. Воровских черкас побили, да и было их мало: десяток сначала, да четверо потом, когда мы отбили этого человека. Да по дороге обратно разорили несколько ухоронок.

Десятник мельком, без особого интереса глянул на меня и сообщил князю:

– Боярский сын Андрей Иванович с сотней уже вернулись. Я уже послал человека предупредить его о твоём благополучном возвращении, как он о том и просил.

– Наместник в городе? Надо бы доложить о прибытии.

– А князя Давыда Васильевича как раз и нету, уехал осматривать мосты. Обещался вернуться к завтрашнему вечеру, ну а там как Бог даст.

– Ну и ладно если всё благополучно. Поедем, надо отдохнуть и помыться с похода. Этот человек поживёт на моём подворье.

Разместили меня в довольно просторной светелке на втором этаже княжьего дома. Слуги помогли расположиться и пригласили в баню. Натоплено было, конечно не очень, но я и не люблю раскаленную баню, да и сама возможность хорошо отмыться после недельного похода порадовала. После бани я переоделся в чистое бельё и устроился у себя в светлице со здоровенной кружкой ржаного кваса, но долго мне блаженствовать не дали: явился слуга и объявил, что у боярского сына Андрея Ивановича Ахматова живёт мой спутник, и надо бы сходить переведаться. Кафтан мой к тому времени был уже почищен, и облачившись я, в сопровождении слуги, пошел по улице на другое подворье.

Глава вторая,

которая начинается неожиданным разговором, а заканчивается

ещё более невероятной беседой.

Комната, в которую меня проводили, нельзя было назвать тюремной камерой, но тем не менее удрать из неё было решительно невозможно: дверь была составлена из толстых дубовых плах, впрочем, засов был не снаружи, а внутри, а окна, целых три, были размером... чуть побольше листа А4, ну, то есть примерно двадцать пять на тридцать сантиметров, причём вставлены туда были массивные рамы с частым переплётом, в которые были вставлены пластины полупрозрачной слюды. А может и не слюды, а стекла крайне низкого качества. Но это неважные детали – позже присмотрюсь и узнаю. В чисто прибранной комнате стоял тяжелый запах болезни.

На кровати дремал крупный мужчина явно болезненного вида: лоб в испарине, на лице мучительная гримаса. При нашем появлении мужчина проснулся, и с явным узнаванием поглядел на меня.

– Слава богу, ты жив, барон Александр – ясно и четко произнес он – Здравствуйте, господа – обратился он к двум сопровождавшим меня чиновникам. Если мне не изменяет память, в эту эпоху их зовут дьяками.

– И тебе поздорову, Лотар – вежливо отозвался старший чиновник. – значит узнал ты этого человека? А то князь Сергей Юрьевич Мерзликин указал, что он даже имени своего не помнит, хотя ведёт себя разумно и ум показал недюжинный.

– Да, я узнал этого человека. Передо мной собственной персоной мой наниматель, барон Александр Ойген фон Белов. Документы его я предъявлял лично Рыльскому наместнику, князю Гундорову Давыду Васильевичу. Если угодно, можете осмотреть барона, у него есть несколько особых примет. Первая: на шее с правой стороны, под волосами имеется небольшой шрам от кинжала. Вторая примета: на правой руке, чуть выше кисти, неглубоко под кожей прощупывается обломок острия стрелы. Ещё нужны приметы?

– Думаю, что и этих довольно, если найдём – усмехнулся старший чиновник. Младший все это время делал пометки свинцовым карандашом на листе.

– Подними волосы, барон Александр – обратился ко мне старший чиновник. Я повиновался.

– Отметь, Осип, что шрам имеется там, где названо. Теперь, барон, закатай правый рукав. Я опять повиновался, и с интересом ощупал запястье.

– Действительно есть – вырвалось у меня – прощупывается, а я и не знал.

– Дай-ка мне – старший чиновник тоже ощупал моё запястье и скомандовал второму – Осип, отметь, что и вторая примета совпала. Ну, мы пойдём с докладом, а тебе, Лотар, дай Бог здоровья. Обскажи уж беспамятному кто он и что.

И мы остались одни. Слуга мой лежал на постели и немного насмешливо глядел на меня. Это был высокий, наверное двухметрового роста мужчина лет пятидесяти, хотя наверное меньше, здесь рано стареют. Лицо вытянутое, борода и усы на испанский манер, эспаньолка. Глаза ярко-зелёные, волосы стриженные довольно коротко, каштановые, с заметной сединой.

– Извини, молодой господин, что не встаю перед тобой. Но я и перед самим царем встать не смогу, гангрена в последней стадии – он снова помолчал, внимательно и насмешливо глядя на меня.

Я тоже молчал.

– Ну и кто ты, добрый незнакомец? – нарушив молчание задал неожиданный вопрос слуга... Слуга? Слуги так себя не ведут.

– Я? Ну, барон фон как там его... – промямлил я.

– Барон Александер Ойген фон Белов. Запомни это, мальчик. Твои документы я сохранил. Но меня интересует кто ты на самом деле.

– Поясните свою мысль, уважаемый...

– Лотар Штайн, собственной персоной. – чуть насмешливо поклонился собеседник – уточню свой вопрос: я отчётливо вижу, что в теле Александра, которого я знаю с трёх лет, находится сознание другого человека. И добавлю, что человек этот не из сего мира. А об амнезии будешь рассказывать наместнику, кстати учти, что он очень проницательный человек.

Опа! Вот так и палятся разведчики. Оказывается я здесь не единственный попаданец!

– А... – умно сказал я, и собравшись с мыслями продолжил – Действительно, я попал в это тело случайно.

И рассказал историю своего появления здесь.

– Жаль Александра – помолчав сказал Лотар – я был его учителем. Впрочем, ты в этом не виноват. А кем ты был у себя, и в каком ты был возрасте?

– Работал учителем географии в школе, а лет мне было почти семьдесят.

– Почтенный возраст. Ну да тебе и вовсе жаловаться не на что.

– Это правда. Получить шанс на новую жизнь, да ещё в интересную эпоху... Это здорово. Но я вот о чём хотел спросить: что мне делать? Посоветуй, всё-таки ты местный житель.

– Начну с конца. Я не местный житель, как ты выразился, а тоже пришелец из другого мира. Только я не вселялся в чужое тело, а попал собственной персоной. Но об этом позже. Что до твоих действий... А поступай-ка ты на службу русскому царю. Ты же русский?

– Да.

– Ну вот и продолжишь службу своему народу, пусть и в другой эпохе и в другом мире...

– Да, это интересно. Я, пожалуй, могу помочь в развитии страны.

– В прогрессоры метишь, Александер?

– У вас тоже есть этот термин?

– Есть. Это из фантастической повести «Анатомия божества» нашего писателя Гора Проаспэт.

– Хм... Вот как. А у нас другие авторы и названия. Но Лотар, а как же моя служба литовскому великому князю?

– Не беспокойся, Александер. Служить ты поступал непосредственно послу, собирающемуся в Бухару, а он, как мне кажется, не собирался тобой дорожить. Ты помнишь, что ты должен был выполнить?

– Нет.

– А я помню. Ты должен был передать ногайскому мурзе некую сумку. Довольно увесистую. И опечатанную личной печатью посла.

– И что?

– А то, что в сумке, а я туда потихоньку заглянул, было почти десять килограммов золотых монет. И кажется я понял, почему твоё сознание так легко попало в тело Александра.

– И почему же?

– Посол, отправляя тебя угощал тебя вином. Помнишь?

– Откуда?

– Ах да, я всё время увлекаюсь. Короче: отравил он тебя. Ядом длительного действия.

– Зачем?

– Ну как зачем? Если история всплывёт, а это явно недружественное действие литовского официального лица против Крымского ханства, то посол не при чём. Получается, что ты украл деньги и дезертировал. Ну а меня, полагаю, должны были убить ногайцы.

– Какие тут разворачиваются интриги, а? Чистый Версаль и тайны Мадридского двора.

– Так что ты свободен от любых обязательств, и когда будешь говорить с наместником, смело излагай эту версию. Я всё подтвержу, потому что это правда.

– А спросит, почему я не умер?

– Да чёрт его знает, почему. Память-то ты действительно потерял. Может это одно из действий яда?

В дверь постучавшись сунулся парнишка лет пятнадцати:

– Барон Александер, тебя призывает к себе князь Сергей Юрьевич Мерзликин.

– Ну ступай, Александер – тепло сказал Лотар – Заходи потом, ещё побеседуем.

Уже за дверями я попросил службу:

– В комнате тяжелый запах, от него и здоровому человеку становится дурно, а больному делает много хуже. Проветривайте комнату, уважаемый.

Князь Сергей Юрьевич вызвал меня сообщить, что завтра он убывает по делам службы на несколько дней. Мы вместе поужинали и я ушел к себе.

Через день, ближе к обеду.

– Значит ты желаешь поступить на службу Русскому государю?

Сидящий передо мной мужчина очень молод для своего чина, ему явно меньше сорока, а должность, по нашим меркам, генеральская: он наместник Рыльского воеводства, на его плечах огромная ответственность и немалая власть, а в подчинении серьёзные военные силы. Выглядит он как былинный богатырь: высокий, широкоплечий, волосы тёмно-русые, волнистые. Ухоженная борода обрамляет овальное лицо, над красивыми губами щегольские усы, похожие на чапаевские. Умное лицо, внушающее доверие. Серые глаза внимательны, понятно, что любую кривду он почувствует мгновенно. Воевода обязан быть отличным психологом.

– Какие умения ты можешь предложить моему государю?

Отвечаю предельно честно:

– Хороших воинов у русского царя довольно, но я, если и был воином, не помню этого искусства. Но другие умения, которым меня учили, остались, и могут пригодиться.

– Что это за умения?

– География.

– География... Землеописание... Что сие значит?

– Значит, что я научен рисовать и читать земные чертежи, или карты.

– Карты чертить и меня учили – усмехается наместник, но в глазах его я вижу интерес.

– Карты, которые сейчас чертят, скорее похожи на рисунки, а меня учили составлять карты, по которым можно точно ориентироваться. Если ты, наместник, прикажешь выдать мне лист бумаги размером аршин в ширину и два аршина в длину, да ещё десяток малых листов на черновики, то я начерчу тебе карту Старого Света.

– Столь великий лист мне скоро не достать.

– Не беда, листы можно склеить вместе до нужного размера.

– Быть посему. Начертание карты станет твоим испытанием для поступления на государственную службу. Теперь о карте: тотчас тебе доставят в твою светлицу всё что потребно. Назови что ещё нужно.

– Нужны карандаши и чертёжные принадлежности. И нужны тушь, перья и кисть для туши, желательны китайские.

– Что-то ещё?

– Я бы попросил, чтобы был поставлен караул, дабы посторонние не лезли. Ни к чему соседним державам знать твои служебные секреты, наместник.

– Это можно. Но – хитро прищурился наместник – запретный плод сладок. Начнут любопытствовать, а что там мы прячем?

– Камни прячут среди камней, наместник. Просто обмолвись, что опасаясь моего побега, вот и объяснение постановки караула.

– Хитро. Так и сделаем. Ступай к себе, барон, всё что нужно тебе доставят.

Сижу и смотрю на чертежные принадлежности. Мдя... В готовальне имеется очень грубый и тяжелый циркуль, линейка с делениями непонятной цены, примитивный транспортир, серебряный и свинцовый карандаши, и это здорово. Зато грифельных карандашей ещё в природе не существует. Имеется банка туши, кисть для туши, но не китайская, а какая-то самоделка. А сверх того – связка гусиных перьев и отлично наточенный ножик. Лекал нет, о рейшине можно только мечтать, под чертёжную доску придётся приспособлять что-то похожее.

Да. Ясно, что прогрессорство нужно начинать с комплектования готовальни хорошего качества инструментами и прочими милыми сердцу чертежника и картографа вещами. Может быть все они уже изобретены, но в виде набора, в пределах видимости не наличествует. Кстати, это может стать довольно дорогим экспортным товаром, нужно только научиться качественно делать наборы чертёжных инструментов в расчёте на разные денежные возможности покупателей.

В сущности, для проверочной работы могу нарисовать карту без координатной сетки, а потом, изготовив нужные инструменты, начертить более качественную.

По моей просьбе принесли снятую откуда-то дверь и наклонно установили её на подставку у стены. Получилось некое подобие чертёжной доски. Рейшину изготовлять было некогда, и закрепив гвоздиками бумагу, я начал рисовать карту. Сначала я набросал очертания Евразии и Африки, а затем начал наносить детали. Сначала крупные: Средиземное, Чёрное, Азовское, Каспийское и Аральское моря, горные цепи, крупнейшие реки и озера. На этом этапе меня посетил младший из чиновников, оказавшийся подьячим, Осип.

– Князь Давыд Васильевич Гундоров прислал узнать, как у тебя, барон Александер, движутся дела, и не терпишь ли ты в чём нужды.

– Вот полюбуйся Осип, это начало работы. Далее я нанесу детали, которые помню.

Парень внимательно осмотрел карту.

– На каком языке ты, барон Александер, делаешь надписи? Буквы вроде словенские, но начертание необычное, многих букв не хватает, однако всё понятно.

– Это, Осип, один из подвидов словенского письма, меня ему учили.

– А покажи, барон, где находится город наш, Рыльск?

– Примерно здесь. – я нанес точку на карте – Видишь, вот течет Днепр, в него впадает Сейм, а течет он вот отсюда – карандашом я провел линию – и в его среднем течении находится Рыльск. А вот и реку Рыло обозначу.

– Спаси Бог, барон Александер – поклонился Осип – сподобило меня как в воздушных над родной землей воспарить и сверху глянуть. Пойду доложу князю Давыду о твоём радении.

Вечером я опять был у Лотара, беседовали о моих планах по внедрению в здешнее общество конечно же, о прогрессорстве.

– Александер, как учитель географии ты помнишь о крупнейших месторождениях мира, а в особенности России. Но нужно знать конкретные места. Тебе они известны?

– Немного, но помню. Я же веду ещё и курс географии родного края, и у меня перед глазами постоянно мелькала карта Курской области с обозначениями полезных ископаемых. На

некоторых выходах пород я бывал, благо это недалеко. В частности, я водил своих школьников смотреть на обнажения в оврагах, с выходами бурого угля и магнетитовых кварцитов, так что шанс очень велик. Мне знакомый геолог говорил, что эта железная руда имеет естественные примеси никеля, а вредных примесей почти не имеет.

– Бурый уголь? Мне припоминается антрацит, кокс...

– Здешний бурый уголь довольно плохой. Очень зольный, загрязнён серой. Но и его можно коксовать, попутно получая много серной кислоты. Да и доступные запасы невелики, но мне лет на пять – десять хватит.

– Здесь я тебе не помощник. Единственно в чём помогу: вот составил тебе список месторождений меди, свинца и олова, какие вспомнил. Было дело, я посвятил этой теме главу в диссертации. Принеси ко мне карту России, перенесём сведения на неё. Только не забывай, что такие тайны крайне вредны для здоровья.

– Об этом я помню. Кажется я потихоньку начинаю становиться параноиком, всё кажется, что за мной следят.

– Наличие паранойи не отрицает факта слежки, Александер. Обязательно сообщи о слежке наместнику.

– Может стоит самому разобраться?

– Не валяй дурака, мой мальчик. В этом краю сплелись интересы Руси, Литвы, Польши и Крымского ханства. Тут многие куплены и одновременно наушничают двум, а то и четырём хозяевам. Бойся отравления и никогда не выходи из дома без кольчуги. Пойми, что против тренированного убийцы у тебя нет шансов.

– Ты прав, Лотар.

– Ещё бы неправ! Уже моё состояние должно тебе прибавить заёмного опыта. Видишь, что со мною случилось?

– Печальное зрелище.

– К тому же глупое. Ужасно глупое. Умереть от гангрены потому что потратил запас антибиотиков на лечение лошади, а эту проклятую конягу всё равно загрызли волки...

– Как же получилось, что у тебя началась гангрена? Не верю, что ты не знаешь о асептике и антисептике.

– Знать-то знаю, а что в том толку? Меня ранило и контузило, и трёх дней, что я провел без сознания хватило для начала сепсиса.

– Ампутация?

– Невозможно. Поражено бедро и дело зашло слишком далеко.

– Страшно это.

– Страшно? Нет. Смерти я не боюсь, разве что боль крайне неприятна, а она всё возрастает. Мне конечно дают опиум, но его уже явно недостаточно.

– Опиум? Здесь есть опиум?

– Почему нет? Там, к югу, Крымское ханство, оно вассал Турции, а там, в Османской империи, производят многое, в том числе и опиум.

– Если хочешь, я могу приготовить для тебя морфий. Но это довольно опасно.

– Пустяки. Я просто не успею стать наркоманом, а умереть достойно, не воя от боли, дорогого стоит. Любопытно, а откуда тебе известен процесс получения морфия?

– Не только морфия, но и героина. Будешь смеяться, но меня этому учили.

– Неужели?

– Представь себе. На курсах повышения квалификации учителей предмета основы безопасности жизнедеятельности нам читали лекции о вреде наркотиков, и лектор, от большого ума рассказал нам как получают опиум и как из него делают морфий и героин.

– Безумие какое-то.

– Это ещё не всё. Когда новость о чудо-лекции достигла ушей милиции, то нас собрали, и взяли обещание забыть эти сведения.

– Забыть Герострата! – засмеялся Лотар.

– Верно. Только поэтому я и запомнил.

Сутки я потратил на сбор сырья, реактивов и собственно изготовление героина, благо у здешнего аптекаря оказался прекрасный склад. С банкой желтовато-коричневого порошка я явился к Лотару.

– Готов препарат. Должен предупредить, что реактивы не имеют должной очистки, поэтому за безопасность не ручаюсь. Впрочем, испытал на собаке двойную дозу, с ней ничего дурного не случилось.

– Ну что же, после испытаний на псовых, перейдём к опытам на приматах. Шприц тут изобрести не догадались, придётся применять как-то иначе. Что посоветуешь?

– Слышал, что можно вдыхать носом через трубочку

– Ну, попробуем.

Через минуту после применения Лотару значительно полегчало. Щёки слегка порозовели, мутная пелена боли ушла из глаз.

– Давай-ка, Александер, я расскажу тебе о том откуда я сюда попал, а главное, почему и ты тут оказался.

– Очень интересно, слушаю.

– У вас в ходу гипотеза, утверждающая что наша вселенная на самом деле является всего лишь частью мультивселенной, кластером в домене, подобно тому как клетка является частью органа, а из органов уже и складывается организм?

– Да. Я читал о чем-то таком в журнале «Наука и жизнь» в восьмидесятые годы.

– Значит научная мысль в наших мирах идёт сходными путями, и тебе будет легко меня понять.

– Слушаю тебя, продолжай.

– А в курсе ли ты, что время является такой же физической величиной как масса, объём, температура и прочее?

– Я не физик, но краем уха что-то слышал о таких вещах. Но насколько я знаю, ничего определённого пока так и не открыли.

– У нас тоже. До недавнего времени. Но лет двадцать назад, мой друг выдвинул очень основательную гипотезу, и на её основе создал сначала математический аппарат, а потом и кое-какие приборы. Но начну с основ. Итак, наша вселенная представляет собой домен в мультивселенной, но это только видимая часть. Невидимая представляет собой куда как более занятную систему. Подобно тому как в нашей звёздной системе все объекты вращаются вокруг Солнца, наша реальность вращается вокруг единого центра – времени. И как в Солнечной системе существует огромное количество объектов, так и вокруг времени вращается бесчисленное количество реальностей. Откуда они берутся? – спросите вы. Они продукт первобытного хаоса, как всё остальное. Но непосредственной причиной возникновения каждой новой реальности является деятельность времени как центрального тела нашей вселенной. Собственно время мы воспринимаем как солнечный свет, то есть, как нечто, приходящее откуда-то и уходящее в бесконечность. Но время и его поток, как и солнечный свет, является неоднородным. Суди сам: когда на Солнце вспышка, интенсивность излучения возрастает когда мы находимся ближе к Солнцу, то получаем большее количество энергии... Тут уместна аналогия с кометами: пока они находятся в облаке Оорта, то их не видно, но до тех пор, пока комета не начнёт приближаться к Солнцу. Под воздействием тепла и иных видов излучений, комета сначала становится видимой, а затем, когда мощность излучений усиливается, начинается интенсивное испарение вещества, и мы уже видим комету во всём её великолепии – яркую звезду

с хвостом. Реальность, подобно комете, приближаясь к центру времени, назовём его Хронос, подвергается всё усиливающемуся временному потоку. Попутно замечу, что поток времени, воспринимаемый нами единым, состоит из множества составляющих, как и солнечный свет кроме инфракрасного несёт ещё рентгеновское излучение, оптический диапазон... Так вот, под воздействием усиливающегося временного потока все процессы в реальности ускоряются: физические, химические, исторические, общественные... Да какие угодно. И тут мы приходим к ещё одной аналогии: собственно, подобно кометному хвосту, за нашей реальностью тянется шлейф отражений данной реальности, оторванных от материнской, флуктуациями временного потока. Одновременно, новоявленные реальности отбрасываются на иные траектории движения вокруг Хроноса, и у них, при сходных условиях, могут появиться собственные отражения. Кстати, отражения не обязательно меньше материнской реальности. Вполне возможен вариант, когда отражение будет крупнее, и даже массивнее оригинала.

– Как парадоксальная лягушка и её головастик?

– Совершенно верно. Но я продолжу. Отраженные реальности, как я уже упомянул, движутся по собственным траекториям, и вполне могут устремиться не к Хроносу, а от него.

– Как это?

– Вернёмся к примеру с кометой. Все небесные тела в звёздной системе движутся по своим орбитам вокруг центрального светила. Для нас в этом примере важно, что комета двигаясь к звезде, испытывает всё возрастающее притяжение и всё усиливающийся световой поток. Приблизившуюся комету «гравитационной пращой» отбрасывает от звезды, и она удаляется постепенно теряя свечение, и прибирая свой хвост. Но это небесная механика. В хрономеханике имеется ряд парадоксов, один из которых выглядит так: при отрыве отраженной реальности, она получает некое ускорение неясной природы, и как бы сминает пространство, ну... как иголка проходит сквозь сложенную вдвое ткань, и оказывается на совершенно ином участке траектории, далеко впереди и в стороне от материнской реальности. Очень далеко: на противоположном участке орбиты. То есть, в то время когда материнская реальность только приближается к Хроносу, его отражение уже удаляется. Но! Подозреваю что большая часть отраженных реальностей врежется в Хронос и поглощается им.

– Хронос пожирает собственных детей. Ты полагаешь что эллины именно это имели в виду?

– Не знаю. Ты же понимаешь, что древние мифы, пройдя через века и тысячи рук, приобретают самые неожиданные смыслы, зачастую утрачивая первоначальный.

– Да, действительно. Только если можно, уточни, что происходит с реальностями, поглощёнными Хроносом.

– Думаю, что они становятся строительным материалом для вновь возникающих реальностей.

– Ага. Получается, что количество реальностей во вселенной всё-таки постоянно. Но прошу, продолжай.

– Хм... А вот тут мы подходим к практике: у нас возникла идея проникнуть в прошлое и изменить в нём кое-что. И вот я отправился в прошлое. Я и сейчас считаю, что являюсь лучшим кандидатом. Я историк, специализирующийся именно на этом периоде, мастер исторического фехтования, обладаю незаурядным даром убеждения, владею гипнозом... – Лотар горько скривился.

– Не огорчайся. – поспешил я его утешить – Просто расскажи, что случилось не так?

– Да всё не так! Очень скоро выяснилось, что местные практически не подвержены гипнозу. Ну, разве что отдельные особи, да и то в специальных условиях, с применением особо мощных методик, и желательно, с применением специальных препаратов.

– Опиаты...

– И они тоже.

- У нас тоже применяются препараты, подавляющие волю.
- Как и везде. Далее. Моё фехтовальное искусство оказалось не слишком полезным. Догадываешься почему?
- М-м-м... Ты владеешь спортивной разновидностью?
- Истинно так. А мои знания истории вообще оказались абсолютно бесполезными!
- Как же так?
- А вот скажи, Александр, насколько этот мир соответствует истории твоего мира?
- Ну-у... На мой взгляд, правда я не историк, всё в пределах того, что я проходил в школе. На престол взошел юный Иван IV, его мать, Елена Глинская, была отравлена. При дворе орудует клика во главе с Шуйскими.
- Вот! – Лотар воздел палец вверх – А в моей реальности сейчас всё ещё царствует Василий III, Елена Глинская заточена в монастырь за попытку переворота, Иван Овчина-Телепнёв-Оболенский казнён, а о Шуйских мне практически ничего не известно.
- Как же так? Это могучий, разветвлённый боярский род!
- Это у вас он известен. А у нас он захирел ещё в начале прошлого века.
- А кто у вас приближен к трону?
- Князья Тверские. Слышал о таких?
- Слышал. Но у нас, если я правильно помню, их род пресёкся.
- Вот! Теперь ты понимаешь, что я оказался в том мире не имея никаких преимуществ? А теперь выясняется, что и без возможности вернуться к себе. А главное знание полученное мной в этой экспедиции такое: в своём временном потоке вернуться в прошлое уже невозможно. Можно попасть только в отражённую реальность, но её изучение имеет самоценный характер, к истории твоей реальности не имеющее никакого отношения.
- Погоди, получается, что я могу вернуться в свой мир?
- Тут всё сложно. Во-первых, когда миры движутся в разных направлениях относительно основного хронопотока и всегда есть вероятность вернувшись в свой мир попасть в относительно близкое или далёкое будущее. Скажем, тебе хотелось бы вернувшись не обнаружить даже могил близких тебе людей, потому что даже память о твоём поколении стёрта с лица Земли?
- Ужас какой! Такой мир для меня ничем не лучше этого. Тут тоже всё чужое.
- Вот!
- А во-вторых?
- Что во-вторых?
- Ты сказал во-первых, значит есть ещё соображения?
- Конечно! Следующий аргумент, это несовершенство техники. Зонд, настроенный на этот мир и на меня, оказался в твоём мире и среагировал на тебя. Причём среагировал он очень странно, я о подобных эффектах даже и не подозревал.
- Что ты имеешь в виду?
- Зонд должен перебрасывать физические тела, а тут он сотворил нечто невероятное, не укладывающееся в голову.
- Что именно?
- Начнём с того, что ты вообще не должен был видеть зонд. Для посторонних он неошутим. Далее: тебя он принял за меня и транспортировал, хотя и не туда, и одновременно он тебя же принял за врага, покушавшегося на тебя же, да и перебросил тело в другой мир. И последнее. Зонд не предназначен для переброски сознания. Он вообще не умеет этого делать!
- Но я с тобой и в этом теле.
- Именно это и сводит меня с ума.

Глава третья,

довольно длинная, начинающаяся путешествием, продолжающаяся открытием, завершающаяся сложным разговором в казённом доме.

Князь Давыд Васильевич Гундоров посетил меня вечером того же дня. К тому времени я заполнив значками и надписями Русь, Европу, Ближний Восток и Малую Азию, добрался до Урала.

– Кх-м... – раздалось у дери.

Я поклонился князю, приветствуя его:

– Доброго дня и здоровья, князь Давыд Васильевич.

– И тебе поздорову, барон Александер – степенным кивком обозначил поклон наместник – Вижу, что у тебя работа спорится.

— Стараюсь, князь. Вот я изобразил Русь. – я указкой обвел владения царя Ивана IV – Вот сопредельные державы. – я начал поочередно, с севера на юг называть государства Европы, Османскую империю и Персию – До Индии и Китая, а также до Хивы, Бухары, Афганистана и прочих азиатских держав я ещё не добрался.

– А почему ты никак не обозначил Казанское и Астраханское ханства?

– Зачем? Насколько я понимаю, эти земли очень скоро перейдут под руку великого царя.

– Откуда знаешь? – остро глянул на меня князь.

– Видимо слышал от кого-то, да и сам не без разумения.

– Угу-м – неопределенно хмыкнул князь – А что это за точки без названий у тебя на Урал-горах?

– Это, князь, места где имеются крупные месторождения, и очень удобные места для строительства заводов и городов. Не все земные богатства я знаю, но здесь – я указал на точку, где должен стоять Магнитогорск – находится высокая гора, состоящая из превосходной железной руды. А вот тут – я указываю на гору Карабаш – медь, сера, золото. А вот тут – указываю на владения Астраханского хана – соль, сера и путь к заливу Кара-Богаз-Гол, где можно добывать мирабилит.

– Что есть мирабилит?

– Это соль, которая пригодна для лечения некоторых заболеваний, используется при варке стекла, а также из неё изготавливают соду. Еще, если ничего не путаю, её используют для приготовления пороха и взрывчатки. Но здесь я могу ошибаться.

– А что есть взрывчатка?

Опа! Засыпался попаданец. Ещё немного, и по мне заплачет дыба, причём горячими слезами. Смоляными. Надо, как иногда говорят мои ученики, фильтровать базар. Ну что же, будем выкручиваться.

– Если порох запереть в крепком сосуде, и поджечь, то произойдёт взрыв. Тебе, князь, наверняка известны пороховые мины, при помощи которых разрушают стены вражеских крепостей. – князь кивнул, а я приободрённый продолжил – Я слышал, что есть вещества, которые могут взрываться. Стоят они много дороже пороха, но и взрываются куда как сильнее.

– Да-а... – князь выглядел заметно потрясенным – Если даже десятая часть того что ты сказал верна, то это надо срочно доложить царю. И да, ты прав что просил о карауле. Такие новости надо придерживать. Вот что я решил: беру тебя на государеву службу. Для начала положу оклад сотника, но чувствую, что недолго тебе его получать, будет повышение. А пока прими это – и князь снял с руки перстень с синим камнем.

– Поздно уже. – продолжил он – Ступай отдыхать, барон Александер, да и я пойду.
– Погоди, князь, это ещё не всё.
– Хочешь лишить меня сна? – пошутил князь.
– Это уж как получится. Вот скажи, князь, в чём у тебя в войске самая большая нужда, и из чего она происходит?

– Доброго оружия и доспехов мало. – уверенно ответил князь. А все потому что своего железа у нас мало, а немецкое немилосердно дорого.

– Коли взял ты, князь, меня на службу, помогу тебе в этой нужде.

– Как?

– Не без труда, но и без особых сложностей.

– Излагай, я слушаю.

– Здесь, в этой земле лежат богатейшие железные руды. Я знаю где есть выходы этих руд на поверхность, и более того, знаю где рядом находятся два месторождения, железа и бурого угля. На этом месте нужно ставить заводы: металлургический и оружейный.

– И где это место?

– Здесь, князь – указываю на карту – недалеко от реки Псел.

– И большое месторождение?

– Того что я указал, хватит лет на сто пятьдесят, а к тому времени русский царь, Бог даст, отобьет у татар реку Донец, а там лежит уже не бурый, а чёрный каменный уголь, более пригодный для металлургии.

– Что-то ты размахнулся государственные вопросы решать. Смотри, как бы шапка не упала вместе с головой.

Сказано было спокойно, добродушным тоном, без нажима, но внутри у меня сделалось нехорошо.

– Прости князь – повинулся я – что-то я увлекся, не прими мои слова за дерзость и умничанье.

– На первый раз прощу, но впредь думай. Однако, ты сбился с мысли. Что сказать-то хотел?

– Здешней руды, а это огромный район расположения месторождений, хватит на сотни лет, и расположен он в этом районе – я обвожу указкой район курской магнитной аномалии. Но для его освоения, уж не вели казнить, князь, всё равно понадобится каменный уголь с реки Донец. А как его добыть, клинком или золотом, решать великому государю. Повторю лишь, что время есть, и кое-что можно сделать на имеющемся сырье.

– Спасибо, барон Александер. Завтра же отдам приказ собрать отряд для разведки месторождений. Да. Вот только где бы взять рудознатца?

– Пошли меня, князь Давыд Васильевич, я знаю места выхода этих минералов на поверхность. Эту карту я за пару дней закончу, а в дороге подготовлю материалы для глобуса.

– Глобус... Помню, слышал про Бехаймово земное яблоко из Нюрнберга. Хочешь сотворить подобное?

– Да, хочу. Вели, князь, изготовить полый шар размером с крупную тыкву или чуть больше, с подставкой, а я нанесу на него изображения суши и вод.

– Добро. С утра я пришлю к тебе мастера-столяра, дашь ему указания по изготовлению. И с твоего позволения дам приказ сделать с этой карты несколько списков. Мне и самому хотелось бы иметь такую карту. Только свою я велю украсить.

– Зачем, князь? – удивился я – Карта есть рабочий инструмент, как, скажем, для тебя сабля или перо.

– Ну, карта для меня тоже рабочий инструмент, а сабля и перо от украшения, если в меру, хуже не становятся – усмехнулся князь.

Сборы, согласно песенному утверждению, были недолги. Отряд возглавил вернувшийся из служебной поездки князь Мерзликин, при нём была группа из его сотни, численностью в двадцать человек. Сотня, как я понял, это аналог роты моего времени и может быть самой разной численности. Кроме воинов имелись специалисты для проверки руды и выплавки железа, в лице двух кузнецов, а также я, в качестве проводника, а при мне подьячий Осип, пожелавший стать моим учеником, а официально он стал отрядным писарем.

Составом отряда я был чрезвычайно доволен: во-первых, князя я уже знал, как прекрасного командира, способного предвидеть неприятности, и, по возможности, избежать их. А в случае необходимости князь действует смело, решительно, неожиданно для врага. И что важнее всего, он бережет своих воинов. Как я узнал стороной, за последние три года князь потерял только двоих, один из которых погиб по собственной глупости. Кроме всего прочего, Сергей Юрьевич вызывает у меня искреннюю симпатию, и я надеюсь в дальнейшем с ним подружиться.

Подьячий Осип действительно заинтересовался географией, и это плюс. Кроме того полагаю, что он должен информировать наместника о моей персоне. Это тоже плюс: куратора надо иметь доброжелательного и чем-то тебе обязанного. Занятия с Осипом я уже начал, и начал с элементарных основ: с математики и природоведения. Почему математика: дело в том, что в это время в ходу буквенное обозначение цифр, и счёт идёт дюжинами. Я же привык к арабской цифири и десятичному счёту. Далее я планирую дать Осипу курс арифметики и начальный курс геометрии и алгебры, насколько я их помню. Природоведение стал преподавать потому что при опросе выяснил, что даже о круговороте воды в природе Осип не знает. Так что начнём с уровня второго-третьего класса, и за пару месяцев дойдём до географии материков. Осип под моим руководством уже изготовил себе тетради. Письменные принадлежности у него имелись свои, а вот чертёжные, я на него и на себя получил у эконома наместника.

Заодно я получил полагающиеся мне подъёмные и задаток денежного жалования. В кошельке приятно потяжелело, и первым делом я посетил портного, заказал ему два комплекта одежды, повседневную и парадную. И оставил у него свои кафтан и штаны, а домой пошел в подменке, выданной мне портным. Зато с утра я стал счастливым обладателем первой в этом мире одежды с карманами. По крайней мере первым в Рыльске: уж здесь я точно ни у кого не видел карманов. Кстати портной сильно заинтересовался новинкой и заручился моим согласием на применение этой новинки в дальнейшей работе.

А между делом, как-то незаметно, я сделал чертежи секстанта и заказал прибор у княжеского ювелира. Чертежи получились, откровенно говоря, так себе, но по сравнению с нынешним уровнем, вполне приличные. Наместник, в присутствии которого я делал заказ, проинструктировал насчет секретности.

– Делай прибор со всем тщанием, Артёмка, ну да за тщанием у тебя затруднений нет.

Ювелир гордо приосанился.

– А вот о том чтобы посторонние не узрели раньше времени дело рук твоих следи пристально. Есть у тебя трое подмастерий, их и подпускай к делу, а кто ещё сунется, предупреди от моего имени, что на язык и очи укорочу излишне любопытных.

Ювелир впечатлился.

– И то сказать, Артёмка – продолжал князь – если всё сладится, то сии приборы будем продавать в Европу, Персию и османам за золото. Уразумел? Для той причины доведи прибор до высшей степени совершенства, а как дам знать, наладишь их сооружение руками верных людей. Всё ли уразумел?

– Всё уразумел до тонкости, государь мой, князь Давыд Васильевич – рухнул на колени ювелир.

– Ну так ступай. Хотя постой. Со сметой расходов подойдёшь к ключнику, а как изобразишь первый прибор, пришлешь вестника, я подумаю, как сделать и либо навещу тебя лично, либо призову к себе. Ну ступай, Артем.

Окрылённый ювелир удалился.

«Да уж... – подумал я – Идут века, а алгоритм управления не меняется: погладить по головке; предъявить кнут; указать на пряник и вероятность нового поглаживания»

– О чём задумался, барон Александер?

– Полагаю я, князи Давыд Васильевич, что было бы не вредно чтобы ты своим именем завёл при своём дворе школу для мальчиков.

– Для какого интересу?

– Соберешь детей разного сословия и первую половину дня они будут обучаться грамоте и письму, а во вторую половину будут находиться у мастеров, к которым будут приставлены согласно своим склонностям: столярам, кожежикам, скорнякам, к тому же ювелиру... А раз в два-три дня, а то и вовсе через день пусть они занимаются воинским обучением, пехотным особенно.

– Отчего именно пехотным?

– Суди сам, князь Давыд Васильевич, ты воин больших чинов, и сверху видишь, что война выигрывается взаимодействием родов войск.

– Так оно и есть.

– Однако, пехота считается ниже кавалерии...

– И это верно.

– Но роль пехоты в войне всё растёт, вспомни историю и сравни с нынешним днём, князь.

– Хм... Да, пожалуй.

– Значит эта роль будет расти и дальше, и мальчики, которых приучишь к мысли о важности пехоты не будут её чураться. А когда придёт их время вступить в войско, у тебя будут готовые младшие командиры для пехоты.

– Согласен. – задумчиво потянул князь – А дальше по заслугам они и до старших дорастут. А ремесло им зачем?

– Тут дело такое, князь Давыд Васильевич, военное счастье переменчиво, и срок военной службы хоть и велик, но не бесконечен. Отставные воины будут иметь в руках ремесло, способное прокормить и их самих, и их семью.

– И тут не поспоришь. Хорошо. Я обдумаю эту мысль. После твоего возвращения обсудим этот вопрос.

Я откланялся и ушел. Надо ещё попрощаться с Лотаром.

Лотар лежал всё там же, в небольшой комнате на кровати. Окошки были распахнуты а под потолком развешены пучки трав, перебивающие запах умирающего тела.

– Пришел прощаться, Александер?

– Да, Лотар. Привязался я к тебе, жалко бросать.

– Это нормально. Больше мы не увидимся...

– Ты...

– Не перебивай, Александер. – оборвал меня Лотар – мне осталось максимум два-три дня. Кстати, спасибо за героин, он продлил моё существование, потому что не будь его, я бы покончил с собой. У меня есть просьба.

– Всё что в моих силах.

– Возьми мой крестик, в нём маяк, по нему тебя найдут, если спасатели всё-таки доберутся до этой реальности. Укажешь им мою могилу, пусть заберут материалы, накопленные мной.

– А где они?

– Здесь. – Лотар указал на свою скулу – В кость имплантировано устройство запоминания, там и хранится моя последняя монография. И хватит об этом. Давай просто по-дружески побеседуем напоследок.

Наутро наш отряд покинул Рьльск. Двинулись мы довольно скоро. Каждый воин имел заводного коня, а кузнецы, снаряжение и припасы, в частности пара мешков известняка, размещены в двуконных повозках. На этот раз мы с князем были вроде как в равных чинах. Он отвечал за военную часть экспедиции, а я за гражданскую, и лезть в заведование друг друга, не собирались. Оттого в отношениях у нас сразу воцарилось доброжелательство и доверие.

– Скажи князь Сергей Юрьевич – обратился я к Мерзликину на второй день, когда почти половина пути была преодолена – а почему мы на этот раз движемся намного скорее?

– Очень просто, барон Александер, тогда мои вои осматривали места, где обычно прячутся татары и черкасы.

– И удачно?

– Вполне удачно. Семерых черкас взяли, да там же на суку и повесили.

Я невольно вспомнил пышно одетых казаков в золотых погонах, увешанных медалями «За взятие пельменной» на улицах городов моего времени.

– Туда им и дорога, паскудам.

Вечерами располагались лагерем в удобных для обороны местах. Воины, в том числе и Сергей Юрьевич, после ужина пели у костра. У князя оказался приятный сильный баритон, и он с удовольствием исполнял песни, в том числе и перенятые у меня: «Издалика долго течет река Волга», «Рябинушка», «Ходят кони», «Эх, дороги». Последнюю много раз исполняли хором всем отрядом, включая и кузнецов. Душевная песня, на редкость. А во время движения дружно распевали слегка переделанную «Конармейскую», «Взвейтесь соколы орлами» и конечно же, «Студёною зимой под старою сосной».

Железо нашли очень легко: один из кузнецов удалился по нужде за кустик, да и наткнулся на осыпь обнажившую выход железной руды на поверхность. Забыв за чем шел, обрадованный мужик метнулся назад:

– Господин барон, батюшка князь, есть руда, да отличная!

Князь похвалил кузнеца и принародно пожал ему руку, а я пожаловал его серебряной монетой. Мужик был рад донельзя, и даже воины поглядывали на него с завистью.

Тут мы и устроили первую большую остановку. Кузнецы сразу затеяли строительство домницы, а воины скоро разыскали и волоком доставили кучу сухих деревьев. Я тоже начал строительство домницы, но более совершенной, с поддувом. Помогали мне почти все воины, не несущие в этот момент службу. Ещё бы! Наместник, князь Гундоров, при отправлении обещал в случае успеха щедро наградить всех, чьё усердие будет отмечено. Два дня домницы просыхали, в них только горели костры для просушки, нажигался древесный уголь, а на третий день мы начали плавку. Долго ли коротко ли она длилась, но вышло удачно и у меня и у кузнецов. Впрочем, у меня удачнее. Кузнецы получили две полосы мягкого железа, каждый килограммов по десять, а у меня и домница была куда как побольше, и воины качали меха не жалея сил... Словом, у меня вышло около центнера чугуна, из которого я отлил десяток ядер и корявый якорь. Честно говоря, я просто не ожидал что чугуна окажется так много и вылил остатки в сухой песок, быстренько начертив на нём лопатой грубое подобие якоря.

Судя по реакции кузнецов, они тоже не ожидали такого количества железа с пробной плавки. Понятное дело: до сих пор они имели дело с бедной болотной рудой, а тут содержание железа в магнетитовых кварцитах, если правильно помню, от пятидесяти пяти до семидесяти процентов.

– Удачливый ты, барон. – радовался за ужином князь – Теперь осталось найти твой уголь, да и исполним наказ наместника.

– Мы не только выполним, но и перевыполним, князь Сергей Юрьевич.

– Как это?

– А мы ещё отыщем тугоплавкую глину для футеровки печей и для тиглей. И надо бы известняк поискать, он тоже нужен в большом количестве.

– Князь Сергей – обратился к командиру один из воев – дозвожь мне с пятью воями проехаться. Припоминаю, что тут недалеко есть овражные откосы, а из них разные камни торчат. И есть ещё обрывы с разными по виду и на ощупь глинами.

– Насколько недалеко?

– Одно место верстах в десяти на закат чуть к югу, а другое в пяти верстах от первого, на полночь.

Князь задумался, а потом решительно рубанул рукой:

– Готовься. С утра выдвигаешься. Но к вечеру чтобы вернулся.

– И где здесь искать твой уголь?

Да уж... Действительно, где искать? С ребятами на экскурсию я приезжал на автобусе, а потом мы потопали вдоль Псела, завернули в заранее помеченный нашим экскурсоводом овраг, и по его краю дошли до оползня, обнажившего пласт бурого угля, и уж у него выстроились полукругом: я на правом фланге, потом пятеро ребят из пятого и восьмого классов, а на левом фланге стоял Паша Артузов, студент Белгородского университета. Паша житель Обояни, вот и согласился провести эту экскурсию. Ребята затаив дыхание слушали Пашу, а он размахивал руками, заставлял ребят лазать вверх и вниз по склону, отбивать и раскалывать разные камни, сравнивая сколы... Здорово получилось. Правда, у меня разболелся сустав, и я больше мечтал о горячей ванне... Как здорово, что теперь я не вспоминаю привычные боли. Теперь для меня привычно хорошее самочувствие.

Однако, где же искать то место? Паша говорил, что оно едва ли не единственная неглубоко залегающая мощная жила (кажется он употреблял другой термин) угля. Остальные и глубже и меньше.

Хотя идея имеется:

– Князь Сергей Юрьевич, а где бы ты выбрал место для крепостицы?

– А вон видишь, в Псел впадает два ручья, а между ними высокий глинистый пригорок?

– Значит там и будешь строить укрепление для защиты заводов, если наместник даст разрешение на их строительство.

– Ну так уголь-то где искать будем?

– Давай-ка двинем вон туда, видишь где к Пселу спускаются овраги? Вот и будем их обшаривать, а если оползней там нет, будем закладывать шурфы. Ямы копать – пояснил я, видя недоуменный взгляд князя.

На четвертый день экспедиция собралась в обратный путь. С собой мы везли полученный металл, образцы угля, глин, известняков, песка. Все результаты подкреплялись картой, образцы снабжены бирочками... Кто служил, знает, как начальство млеет от бирок. Даже поговорка специальная имеется: «Солдат без бирки как половая щель без дырки». Но это я по-стариковски брюзжу, а на самом деле страшно доволен.

По счастью нам не попались по пути ни татары, ни черкасы, ни родные шиши, да и от непогоды бог миловал. А сразу по приезду меня огорошили известием, что Лотар приказал долго жить. Мы обнажили головы.

– Царство ему небесное. – печально молвил князь Сергей – Достойный был муж, даром что не православный.

Я молчал. Лотар был единственным если не близким, то понятным человеком. С его уходом прекращалась такая эфемерная, но такая важная вещь, как возможность поговорить с

человеком одного уровня образования и воспитания. Теперь я один в этом мире, а придут ли спасатели за наследством Лотара, а если придут, то когда? Оставим бесполезные вопросы.

С утра мы с князем Сергеем Юрьевичем прибыли на доклад к наместнику. Доложили о проделанной работе, о результатах, выслушали похвалы и распоряжения о поощрении подчинённых. А потом заговорили о дальнейших делах.

– Закладка новой крепостица дело государево. – рассуждал наместник – Значит надо нам предстать перед очи государя. В конце августа будет цареве тезоименитство, и мы можем принести в подарок царю-батюшке плоды наших трудов. Я уже дал задание отковать из полученного под твоим, князь Сергей, руководством, железа саблю. Также я дал указание изукрасить один секстант, тоже поднесёт государю. Карты твои, барон Александр, тоже хороший подарок.

– Только я хочу предложить, князь Давыд Васильевич, чтобы карту с нанесёнными месторождениями ты поднёс тайно. Не надо чтобы лишние глаза видели такое, тем более что и лежат многие из них в чужих державах.

– Разумно рассуждаешь, барон Александр. – степенно кивнул князь – Я тоже так думаю. А сейчас оставляй все дела, да берись за глобус. Шар в два аршина уже изготовлен, осталось его расписать. Это твоё дело.

– Зачем такой огромный?

– А ты как думал? Привезём сию диковину, а царь-батюшка велит поставить её в своих хоромах. И сто лет пройдёт, спросят люди: «Кто сотворил такое диво?», а им и ответят: «По повелению наместника Рыльского, князя Давыда Васильевича Гундорова, сделал барон из немецких земель Александр фон Белов, а шар для того сваял мастер Епифашка Рябой». Так-то друг мой.

Да. С одной стороны тщеславие, а с другой дело более чем достойное.

– Тогда позволь и мне, князь Давыд Васильевич, приложить свою мысль.

– Говори.

– Прикажи ювелиру сделать маленькую шапку Мономаха, мы её укрепим над знаком Москвы. А над всеми большими городами поставим маленькие царевы скипетры.

– Верно мыслишь, барон! Так и сделаем. И готовься, барон, поедешь со мной на Москву. А вот ты, князь Сергей, останешься тут на хозяйстве. Опасно тебе со мной ехать, сам знаешь, какие у тебя враги.

Сергей Юрьевич покивал соглашаясь.

– А теперь други мои, давайте обсудим как мы будем осваивать богатства, что нам привалили стараниями барона Александра. Начну с тебя, князь Сергей.

– Крепостицу поставить труд невелик. В округе хватает хорошего леса, место для укрепления удобное. Но нужно государево повеление. И ещё загвоздка: татарва и черкасы начнут беситься, так как мы ещё ограничиваем их возможности творить бесчинства на нашей земле.

– Понятно. Теперь твоё слово, барон.

– Думаю, что разрешение на строительство будет непременно получено, а пока суть да дело, князь Сергей заготовит материалы для крепостицы, а главное, для металлургического завода. Словом, если князь Давыд Васильевич уезжает, то всё целиком зависит от князя Сергея Юрьевича.

– Это твой шанс отличиться – добавил наместник.

С утра я взялся за глобус. Кстати, зря я испугался, когда наместник указал размер глобуса в два аршина. Как оказалось, аршин это всего-то около семидесяти сантиметров, так что глобус получился менее полутора метров. Я объяснил краснодеревщику как сделать, чтобы глобус вращался и имел возможность перевернуться южным полюсом вверх. Ну и правильный угол оси указал, не без того.

Помогал мне, уже на постоянной основе, Осип. А кроме него у меня появился слуга, присланный наместником. Зовут слугу Пётр, а взглянув на него я тут же вспомнил описание, которое дал своему старшему знаменитый капитан Врунгель: «И, должен признаться, мне повезло: мой старший помощник Лом оказался человеком изумительных душевных качеств. Вот, судите сами: рост семь футов шесть дюймов, голос – как у парохода, необыкновенная физическая сила, выносливость. При всем том отличное знание дела, поразительная скромность – словом, все, что требуется первоклассному моряку...»

Вот мы и занялись глобусом втроем: я наносил контуры, Осип красил, а Пётр готовил краски и бегал с мелкими поручениями.

А вечером ко мне заявился поп.

Вообще-то я отношусь к попам с изрядной долей брезгливости, и советское воспитание тут вовсе не при чём.

В советское время я попов встречал довольно редко, а вот когда вместе с капитализмом полезли из всех щелей шарлатаны-целители, экстрасенсы, попы самых разных религий, колдуны в шестнадцатом поколении, сектанты... то и присмотрелся к этой публике, и откровенно говоря, разницы между попом и экстрасенсом я так и не уловил.

Ну а то что в прихожане и в попы бросились вчерашние комсорги, парторги, замполиты (скажем честно – самые ненужные на производстве и в войсковом подразделении люди) и прочие учителя жизни, то и вовсе планка доверия упала в точку замерзания.

Среди попов встречаются порядочные люди, однако бывает и наоборот. Отец Пётр, по отзывам князя Сергея и покойного Лотара, как раз и был из порядочных. Однако, не стоит забывать, что князь Сергей принадлежит этой эпохе, а Лотару, в последнюю неделю по мозгам мощно лупила интоксикация, а непосредственно перед моим отъездом в экспедицию за железом и углём, ещё и героиновое опьянение. Так что полностью объективными я бы их не назвал. Впрочем, будем смотреть.

– Мир дому сему! – входя в ворота объявил отец Пётр.

– Благослови, батюшка, мой дом и домочадцев – с низким поклоном обратился к нему князь Сергей.

Пока священник исполнял положенные ритуалы, я, не подозревая о визите, сидел у себя в светлице и ломал голову над Антарктидой. С одной стороны, можно просто нарисовать контур, залить его белой краской, что всё равно будет для будущих географов огромной загадкой. Но меня подмывало накидать целую кучу загадок будущим историкам и географам, да и нанести на глобус объекты, о которых даже в середине XX века будет мало что известно. Ну там, озеро Восток, границы шельфовых ледников... До мало ли чего ещё ляпнуть. Взять да и нарисовать точку в районе полюса недоступности, и написать например «Всемирная библиотека». И закрасить сверху нестойкой краской. Спустя лет двести-триста при реставрации обнаружат, и такое начнётся! Идиотская конечно получится шуточка, но кто сказал, что все шутки должны быть шибко умными? Размышления были прерваны приходом отца Петра. Обменявшись приветствиями мы внимательно всмотрелись друг в друга. Впечатление отец Пётр произвёл самое положительное: высокий для этого времени рост, осанка, выдающая военное прошлое священника, приятное круглое лицо с бородой, напомнившей мне «ласточкин хвост» Петра Петровича Семёнова Тянь-Шанского. Видимо мода в области стрижки бороды тоже имеет свою цикличность.

– Мне Лотар кое-что рассказывал о тебе, Александер. – с ходу взял быка за рога отец Пётр – Сразу порадую тебя, он перед смертью принял православие, причастился святых тайн и похоронен по православному обряду. Я лично его соборовал, читал заупокойную, провёл все положенные обряды.

И священник направил на меня такой умильный взгляд, что меня, грешным делом, посетило опасение, не хочет ли он и меня отпеть. Но отец Пётр быстро успокоил меня:

- Лотар по крещению стал Устином, в честь святого мученика Иустина Римского.
- Что же, раз мой друг принял такое решение, то и я буду его теперь именовать новым именем. Надеюсь, Устин попал в рай.
- Всё в руке Божией, а мы грешные можем только возносить молитвы и надеяться.
- Скажу прямо, из меня верующий слабенький. Если Устин обо мне говорил, то тебе, отец Пётр, должно быть известно, что я родился и вырос в местах где религия не играет заметной роли.
- Это я знаю. – спокойно ответил священник – но также я увидел, что Устин всей душой принял православие, и тебе рекомендовал то же самое.

А дальше затеялся у нас сложный и длинный разговор, по результатам которого я согласился креститься по православному обряду. За это отец Пётр обещал сильно ко мне не придирааться, подобрать день крещения так, чтобы у меня сохранилось то же имя, и довольный ушел.

Твою же мать пятнадцать раз! В комсомол, помнится, силком никого не тянули, и даже не уговаривали. Наоборот, брали не всех, а за косяки могли и с треском выпереть.

Дорога до Москвы заняла у нас почти три недели, и это несмотря на то, что у нас были самые лучшие кони из всех имевшихся в распоряжении наместника Рыльского. Просто в каждом более-менее значительном городе князь Давыд Васильевич наносил визиты, так что мы теряли каждый раз как минимум день, а бывало, что и три.

Да уж... Помнится, как я ворчал теряя на дорогу в Москву целых восемь часов! В свите я числился как служилый человек Александр Евгениев сын Белов. Кроме меня со слугой были ближники наместника со слугами, отец Пётр, сотня охраны, ездовые, ну и самое главное лицо – князь Гундоров с телохранителями, слугами, поваром и постельничим.

Кстати, только тут я узнал, что постельничий, это всего-то квартирмейстер, или начальник КЭЧ в армии моего времени. Мдя... А конюший это то же что и маршал. В общей сложности свита составляла около двухсот человек, и это, для человека ранга наместника Рыльского было относительно скромно. Я ехал одвуконь. Боевым у меня считался тот, который захватил у черкас князь Сергей Юрьевич и отдал мне. Потом я заплатил князю за него, а заводного купил уже сам у татар на торжище. Скотинка попаласть покладистая, смышлёная и выносливая. Пётр, слуга мой, ехал тоже на татарской лошади, но ещё более низкорослой чем моя. Выглядело это, на мой взгляд, довольно потешно: здоровенный парнище на мелкой лошади смотрелся как Илья Муромец верхом на ишаке. Но местным это было привычно, зубы никто не скалил. Впрочем, вышестоящим какой-то слуга был безразличен, а равным Пётр те самые зубы и повыбивал бы, только дай повод.

Нет, всё-таки удобно иметь слугу! Хотя с другой стороны, меня и в прошлой жизни окружали слуги, разве что не живые. Дом мой отапливает автоматический котел, вещи стирает автоматическая стиральная машина, воду в дом подаёт насосная станция, с жарой борется кондиционер... Недавно подарили мне робота-уборщика, а на кухне полно техники: комбайн, блендер, миксер, хлебопечка, скороварка, микроволновка... Разве что бельё приходится гладить самому, но ведь не вальком и не чугунным утюгом, а вовсе даже электроутюгом с отпаривателем и чёртовой кучей функций, в которых я так и не разобрался. И машина, в отличие от лошади имеет массу достоинств: залил в неё бензин, да и катайся, не забывай только вовремя отогнать её на диагностику, где всё что надо поменяют, отрегулируют, починят. Только денежку отслонявь.

Лошадь, она не такая. Она живая. Лошадь хочет есть и спать, она очень быстро устаёт, случается, что и болеет. У лошади может быть плохое настроение, бывает желание сделать подлянку, кстати, ещё по колхозному детству помню, как лошадь может напакостить хозяину или человеку, который не полюбился.

Так что наличие человека, который ухаживает за лошадьми очень вдохновляет. Оно понятно, что Пётр являет собой глаза и уши наместника, но пока мне скрывать почти нечего, а когда понадобится, то либо перекуплю Петра, либо найду кого другого. Впрочем, первый вариант надёжнее.

С погодой нам повезло необычайно: через день-два шли небольшие дожди, так что и пыль не поднималась, и лужи не образовывались. Было тепло, но не было и большой жары, а гнус и комаров разгонял не слишком сильный ветер.

Я ехал рядом с повозкой, на которой везли глобус и карты. Глобус был обернут выделанной кожей, помещён в здоровенный ящик, сверху обернут чем-то типа мешковины, а на крыше ящика сооружена натуральная крыша из тростника. Каждая карта была упакована в отдельный тубус, а «секретная» карта, на которой нанесены месторождения полезных ископаемых, кроме того, что была упакована в отдельный тубус, уложена в отдельный ящик, опечатана личной печатью наместника и хранилась на отдельной повозке среди казны. Вокруг этой повозки постоянно находился караул из пяти воинов. Впрочем, и повозку с картами и глобусом тоже отдельно охраняли, то всего лишь двое. Впрочем, на стоянках эти повозки всегда стояли рядом.

Случайность великая вещь. Нельсона сто раз могли убить, а всего лишь только выбили глаз. Архимеду приспичило помыться, а помыться не удалось, зато побегал с криком «Эврика»... Атос постоял у полуразобранного камина, и, подслушав разговор, оказался обладателем очень полезного документа.

Для меня случайность тоже оказалась счастливой, в духе Атоса. На одной из ночных стоянок пошел я по большой нужде за пределы лагеря. Дело нормальное, естественное. Недолго думая отправился я между палатками куда следует. И надо так случиться, уронил лопушок, которыми с некоторых пор запасаясь заранее. Пока искал, услышал я негромкие голоса, и упоминание меня, хотя и без имени. Говорили вполголоса, но мне было слышно прекрасно:

– Так ты, отец Пётр, не забудь обещания, на Москве зайди к отцу Зосиме, он передаст для меня кое-что.

– Не беспокойся, дружище, всё сделаю как обещал.

– А вот скажи мне, хоть любопытство и грех, отчего ты опять едешь на Москву?

– Большой тайны в том нет, но разговаривать с посторонними о том не стоит. Но тебе, как старому другу скажу: появился у меня перед глазами один человек, очень интересный. Через него я может и в сане подрасту. Но ты, смотри, не болтай, а я, если дело выгорит, и тебе помогу.

– Ну да Бог тебе в помощь. Пойду я, поздно уже.

Забыв про лопушок я на носочках, кажется даже не приминая травы, я удалился.

В сущности, всё понятно. Происходящее даже нельзя назвать заговором против меня, более того: никто мне не желает зла. Всего-то и делов, что отец Пётр собирается исполнить свой долг, правда не гражданский, поскольку ещё понятия такого нет, а долг вассала перед сеньором. Мирская власть не имеет силы над отцом Петром, он теперь всем обязан Церкви, коллективному феодалу. Но тут хитрый поп решил сыграть по-крупному и решил доложить...

А собственно, о чём доложить? Хотя, если задуматься, то он знает немало: слуги видели, и наверняка на исповеди доложили о картах, где начертаны известные и неизведанные земли, о глобусе... А ещё поп доподлинно знает, что мне известны месторождения полезных ископаемых. Вот так просто: взял, указал пальцем, дескать здесь берите. Следовательно, раз указал на нечто полезное, значит и о другом знает. А если хорошо спросить, то и о злате-серебре расскажет. У Церкви есть специалисты, умеющие добыть правду-матушку, её же можно добыть очень по-разному. Можно в сердечной беседе, можно грубо, с дыбой, клещами, огнём и плетью. Можно ломая психологически, а можно и гонять по логическим лабиринтам, чтобы объект, уже не личность, не человек, а обезличенный объект интереса сам попадал в ловушки и выдавал нужную правду.

Но эффективнее всего, соединить все методы в единый конвейер.

И тут возникает вопрос: а могу ли я получить помощь и защиту от Церкви со стороны наместника или (мечтать так мечтать!) царя? Непростой вопрос. Боюсь, что и у царя может возникнуть тот же соблазн. Тут, правда, имеется небольшая гарантия того что царь, получив шикарный подарок в виде карты с целой россыпью месторождений, из которых только золотых пять, не станет резать такую Курочку Рябу. Но есть опасность попасть в золотую клетку.

На мой взгляд, если выбирать между царем и попами, то царь предпочтительнее.

С другой стороны, что может помешать попам потихоньку взять меня, да и дело с концом?

Был человек, и нет человека. Сгинул в поповском зиндане.

Следовательно, кто должен решить проблему, вставшую в полный рост? Правильно. Я. Потому что больше некому.

Каким образом?

Тут вариантов немного. Уговаривать отца Петра не сдавать меня святой инквизиции, или как это заведение называется у православных, бесполезно. Мужик твёрдо вознамерился сделать на мне карьеру.

Подкупить? Даже если было бы чем, Петруччио будет доить меня по гроб жизни.

Остаётся ликвидация.

Вот так. И сам уже обезличил человека до уровня объекта. Впрочем, так легче, всё-таки человек при всей его универсальности, плохо приспособлен для убийства.

Другой вопрос, что приучить человека можно к чему угодно.

Помню, в Армии, а служил я в Главном разведывательном управлении Генерального Штаба Вооруженных сил СССР, правда, не уточняя в разговорах с мужиками, что в мастерской по ремонту приборов артиллерийской разведки, в свободное время мы, солдаты, развлекались в спортгородке.

Как-то раз, это было уже на третьем году моей службы, мы, четыре молодых балбеса, прыгали на спортплощадке, показывая друг другу всякие приёмчики. Специально-то нас никто не учил, всё-таки подразделение не боевое. И тут пришел на площадку старый-престарый старшина Иванов, по прозвищу Дед.

Деда уважали все, от солдат до командира бригады, который дружил с Дедом ещё с войны. Дед-то воевал ещё с Халхин-Гола, потом Финскую, потом Великую Отечественную с декабря сорок первого по август сорок пятого, а потом ещё до пятидесят второго года душил бандеровцев.

Везло человеку. За всю войну всего лишь трижды ранен, зато дважды в сердце. Один раз пуля не дошла какой-то сантиметр, и её удалили, во второй раз пуля попала в сердечную мышцу, вот её извлекать не стали. Опасно!

А комбриг попал в разведвзвод Деда сначала рядовым красноармейцем, а потом, после училища лейтенантом, командовать тем взводом. С тех пор и служили вместе. Деда вообще-то должны были уволить по возрасту, всё-таки пятьдесят шесть лет не шутка, но комбриг каждый год всё продлял срок службы «в связи со служебной необходимостью».

Дед был в расслабленном состоянии духа, и нестерпимо благоухал пивом, вот потому видимо и решил малость поучить молодняк:

–Кхе, молодёжь, слухай сюда.

Мы тут же выстроились перед Дедом.

– Вы это, сынки, нож вы держите правильно, но всё равно неправильно.

– А как надо, товарищ старшина?

– Дай-ка сюда – и взял из рук Кузи его нож – Гляди-ка, хорошо, как сделано – рассматривая тренировочный нож с резиновым лезвием, окрашенным уже облупляющейся серебрян-

кой, и с костяной рукояткой, сказал Дед – только на ручке нужно насечку сделать или шнурком обмотать. Сам делал?

– Не сам. Это Паша.

– Молодца, Паша. А теперь смотрите, какие бывают хваты.

Нож начал изящно порхать в руках Деда:

– Вот так... А потом прямой удар вот так. А теперь в обратку, и сразу вразрез...

Дед нарочито медленно демонстрировал движения.

– А теперь двумя ножами...

– Здорово, товарищ старшина! – мы даже захлопали в ладоши.

– Спасибо, сынки. Вот только в своём первом бою вы не стремитесь достать супротивника ножом. Человека убить непросто, особенно одним ударом. Часто бывает, что лучше его оглушить, а потом и дорезать. Самое лёгкое, это горло перерезать. Вот так-то, сынки.

Дед говорил спокойно, добродушным голосом, но и у меня, и у моих друзей мороз по коже продрал, я видел это.

В тот день мы больше не тренировались, но потом снова начали.

И надо сказать, что одному из нас, Паше, Дедова наука пригодилась:

От нас километрах в пяти была тюрьма, и оттуда сбежали трое чеченов, отъявленных бандитов. Зачем они полезли на склад приборов артрязведки, так никто и не понял. Видимо решили, что это оружейный склад.

Паша в ту ночь был в карауле, и как раз стоял у склада. Один чечен прополз под колючей проволокой, а его дружки поднимали проволоку палкой. И этот чечен с заточкой сзади бросился на Пашу.

Пашу спасло нарушение формы одежды. Во-первых, Паша под китель надел толстый вязаный свитер с высоким воротом, а во-вторых, китель у него был подшит не тряпичной подшивой, а полоской белого целлулоида. Заточка всё-таки не полноценный нож, она завязла в целлулоиде, правда, свитер всё-таки разрежала, да и кожу на горле распорола глубоко, но самого горла не достала.

А Паша выхватил из-за голенища нож, да и всадил бандиту в бедро. Потом развернулся и как показывал Дед, засадил нож снизу вверх в подбородок бандиту. Потом бросил нож, взялся за автомат да и завалил двух оставшихся. Расстояние-то было смешное, метров тридцать.

Потом Паша долго лежал в госпитале: ножу у бандита был ужасно грязный, и зараза проникла в Пашин организм.

В Серпухове наместник остановился у местного градоначальника, или как там его величают, а большая часть свиты на постоялом дворе. Ничего так, довольно пристойное заведение. Комнаты небольшие, зато оборудованные со всем шиком средневековья: вместо шкафа в стену вбито с десятков деревянных крючков, имеется стол, широкая лавка, кровать, а под кроватью деревянное ведерко с крышкой. Ведёрко по назначению я использовать не стал, предпочитаю прогуляться на задний двор в сортир, с классическим сердечком прорезанным в двери. Запирался сортир на классического вида вертушку, только крепилась она не на железном, а на деревянном гвозде. И правильно: железо дорогое, гвоздь обязательно сопрут.

Я уже привык спать без постельного белья, а от насекомых спасаюсь приспособлением вроде кадила, куда закладывается смесь трав, и там они тихонько тлеют. Что за травы я не знаю, на запах сумел отличить только полынь, но помогает смесь хорошо. Даже клопы не докучают. Смесь эту мне посоветовал Петя, как я зову своего слугу, а он даже важничает этим перед другими слугами. Меня он величает барином. Кажется это не по чину, но «фи» пока что, никто не высказывал.

А вот и Петя, лёгок на помине.

– Это, того-этого, барин, поглянь. – радостно провозгласил Петя – Вон, чего я у бродяжки отобрал.

И протянул на ладони гирьку граммов на пятьсот, на кожаном ремешке.

– Что за бродяжка?

– Дык я, того-этого, иду из отхожего значит места, а этот, ёк-макарёк дурила, на меня и кинулся.

– А ты?

– А я беру того-этого дурачка, да и возвращаюсь откуда пришел, да и пихаю, ёк-макарёк, в это, ну, прямо туда.

– Погоди, там же дырка маленькая, как он пролез?

– Ну, того-этого, я ж не без разумения, тама крышка сзаду, чтоб, ёк-макарёк, это самое черпать, вот туда и определил.

– И что?

– Шибко завоняло, когда этот всё это самое взбаламутил. А потом иду сюда, а штука так и лежит. Ну я того-этого прибрал, а то подберёт, да и снова озоровать начнёт.

– Ну что же, молодец, Петя. Этим ты может чью-то жизнь спас. На вот денежку, пива выпьешь.

– Дык, барин, я того-этого, от всей души! Я ж, ёк-макарёк, не за награды.

– Не будешь пива?

– Буду!

Цапнул денежку, кинул гирьку на лавку, да и был таков. А я подумал-подумал, да и прибрал гирьку в карман. Пригодится. И вскоре пригодилось.

Не буду разводить интригу, скажу просто: отца Петра я порешил.

Дождался его на выходе из трактира, да в пустынном переулке и ударил гирькой по затылку. Дважды. Добивать, по счастью, не пришлось. Я вытащил у покойника кошель, снял наперсный крест и кольцо с руки. Всё это вместе с гирькой я скинул в сортир. Может быть и стоило оставить себе, молоток легко бы превратил наперсный крест в простой кусок серебра, но пользоваться ворованным... Фу, какая мерзость!

Наутро тело обнаружили, поднялся шум, но для всех дело было ясно: постарались уличные грабители. Похороны состоялись в тот же день, а на следующее утро мы снова двинулись в путь.

И вот мы в Москве. Можно много говорить о том что средневековая Москва деревянная, что улицы кривые, что... Ерунда это. Всё мимо.

Москва воистину великий город. Великая столица великой державы. Даже противный серый дождик не испортил впечатления от Москвы. Я не раз бывал в Москве в той жизни, и не скажу, что в Средневековье она менее величава, просто нужно понимать разницу в эпохах. Москва и будет такой... неухоженной, пока не изобретут способа дешёвого массового производства кирпича, асфальта, бетона... Главное в Москве – величие и державность, которая выше мелких невзгод и мелких духом людишек. Москву понимает правильно лишь человек великий намерений.

Кстати да! Нас в студенчестве не раз водили на карьеры, на цементный завод, показывая всю технологическую цепочку производства цемента и бетона из него. Надо и этим заняться, только найти бы кого загрузить этой задачей. А почему бы не Петю? Парень слегка грамотен, решителен, настойчив... А то что у него денег нет, так и у меня негусто. Деньги вещь такая: сегодня нет, а завтра будут, надо только сообразить где их взять.

– Петя – Окликнул я слугу, разинувшего рот на московские диковины.

– Здеся я.

– Петя, а не хочешь вместе с Осипом заняться обучением?

– Да я, того-этого, завсегда готов, хорошее дело. Только зачем тебе ещё один ученик?

– Есть у меня мысль устроить завод, а кого на него поставить, нет.

– А я, того-этого, справлюсь?

– Петя, с лошадьми ты справляешься, грамоту немного разумеешь. Попытался на тебя напасть лихой человек, так ты его и приголубил. Неужели с двумя десятками людей не управись?

– Дык, ёк-макарёк, то лошади и бродяжка, а то завод. А что делать-то надо?

– Этого я пока не скажу, чтобы удачу не отпугнуть, обучение начнём с сегодняшнего дня, как обустроимся. Согласен?

– Конечно согласен. Что я дурной, от удачи отказываться?

Разместились мы на подворье князя Гундорова. Мне с Петей выделили просторную комнату, а рядом, в маленькой клетушке поселили Осипа.

С утра позаниматься с Петей и Осипом не удалось, помешал важный посетитель.

– Барин, – сунулся в дверь Петя – тут, того-этого, к тебе дьяк пришел! Я уж попросил, того-этого, подождать, может ты не готов.

– Спасибо, Петя. Так всегда и делай, а дьяка сейчас проси, пусть войдёт.

В дверь вступил, если не сказать восшествовал основательный такой дьячище.

– Дьяк Разрядного приказа, Тимофей Ломакин. –представился он, степенно склоняя голову.

И тут меня стукнуло по голове: а ведь я не знаю на какой должности я стою, хотя зарплату сотника получил. Однако, сотник – это военное звание, а я нанимался географом... Ау, где моя обученная сотня географов, ну, пусть не сотня, а хотя бы десяток? Мдя... А ведь когда я получал деньги, в ведомости, а вернее в книге, что-то было написано, но ведь я старинные буквы, а тем более начертанные второпях не понимаю. Вот и там не разобрал. Даже и не пытался, болван.

– Служилый человек в должности географа, при Рыльском наместнике, Александр Белов. – длинно и непонятно представился я, но дьяк и глазом не моргнул.

– Не желаете ли присесть, уважаемый дьяк? Если хотите, сейчас нам подадут свежего квасу.

– Да, от квасу не откажусь, – усаживаясь на лавку кивнул дьяк.

Петя видимо слушал под дверями. Он тут же, без команды просочился в комнату и из моей сумки вынул пару оловянных кубков, протёр их относительно чистой тряпицей, и наполнил квасом из запотелого кувшина, и выставил тарелку со свежими бубликами. Мы ведь только собирались второй раз позавтракать, дело-то к десяти часам, а встали в шесть.

– Я зашел по своим делам к ключнику князя Гундорова, и узнал, что ты здесь. А чтобы не терять время, сам решил тебя посетить. Дело вот в чём: вечер князь Гундоров Давыд Васильевич беседу имел с моим начальником, главой Разрядного приказа, Выродковым Иваном Григорьевичем. Князь Давыд Васильевич сказал, что ты собираешься, если Бог даст и от великого государя позволение воспоследует, построить оружейный заводик в Рыльской земле. Так ли это?

– Именно так. Месторождение железа найдено, теперь можно и заводик ладить. Но это дело весьма непростое, и слишком многое не от меня зависит.

– Это понятно. Я пришел обговорить, что ты способен построить, и что намерен производить, а глава Разрядного приказа, и я, как его товарищ по пушечному отделению решим, помогать ли тебе, а если помогать, то чем.

– Правильная позиция. – признал я – Начну с основы. Месторождение железа, которое я обнаружил, можно разрабатывать открытым способом, то есть, просто копать обширную яму. Место там высокое, вода не угрожает, разве что в весенний период снеготаяния. Такой способ

много дешевле чем шахтный. Это первое. Второе: уголь я собираюсь нажигать не из дерева, а из бурого угля, который я открыл там же, неподалёку. Но для добычи угля придётся закладывать шахту.

– С этим ясно. А скажи, Александр, что ты собираешься выделывать?

– Железо и чугун. Его ещё называют...

– Чугун я знаю. – величественно кивнул дьяк – Но знаю также, что он хрупок.

– Это и так и не так. Из чугуна можно лить вещи довольно прочные и устойчивые к огню. Такие как котлы, сковороды, разные вьюшки, колосники и заслонки для печей. Можно и маленькие походные печки отливать, например, для отопления возка зимой. Слышал я, что в некотором царстве имеется даже мост через реку, собранный из чугунных деталей.

– А велик ли мост?

– Сам не видел, но говорят, что перекрывает он не большую, но судоходную реку, а высота пролёта такая, что под ним может пройти парусный корабль.

– Экое диво! Но продолжай, Александр.

– Для области твоих трудов будет интересно, что из чугуна можно лить ядра и картечь потребных калибров. Ровные, гладкие, чтобы не портить пушечные стволы. Да и лететь такие ядра должны дальше и точнее.

– Да, это полезно.

– Думается мне, что если постараться, то есть возможность создать такой чугунный сплав, который будет пригоден для литья пушек. Такая пушка будет много дешевле бронзовой. Однако скажу сразу, что дело это небыстрое, такой чугун ещё нужно будет создать. А вот картечь и ядра можно будет начать лить как только поставим домну... Если такой завод будет нужен, конечно, и если ядра будут нужны.

– Нужны, как же не нужны? Мне только надобно заранее узнать, какие ты назначишь цены.

– О ценах я точно сказать не смогу поскольку ещё ничего нет, но думаю, что моё железо выйдет дешевле любого другого, поскольку руды богатые.

– Разумно. А теперь скажи, что тебе нужно для устройства завода. Нам в Северной земле нужен такой.

– Сразу скажу, что нужны люди. Нужен мастер-кирпичник для строительства кирпичного завода, и конечно же, мастер-каменщик, чтобы из этого кирпича сложить домны и мастерскую рядом с ними. Нужны литейщики, способные построить домны для литья чугуна. Нужен мастер, умеющий делать конный ворот, для привода мехов в кузницу и домну. Нужны мастера-кузнецы, способные построить свои домницы и выделывать железо. Ну и ковать его.

– Добро. Я тебя услышал, нужды понял, и хочу сказать, что дело мне нравится. Буду говорить с Иваном Григорьевичем, всё как есть обскажу. А ты, Александр, готовься к разговору. Как Иван Григорьевич решит, так тебя и призовет для обстоятельного разговора.

Мы раскланялись, и дьяк ушел. Впечатление от него осталось самое благоприятное: дельный специалист, отличный руководитель. Припомнился директор моей школы, он тоже из таких. Из деловитых и знающих

А я бросив все намеченные дела принялся составлять план действий. Нам, учителям, составление планов привычно и просто: ставится цель, определяются средства, назначаются ресурсы, определяются этапы и сроки исполнения по этапам и в целом по начинанию.

Другой вопрос, что заводов мне строить не доводилось, но зато я практически самостоятельно построил свой дом. Коробка, правда, была, но и внутри и снаружи она была переделана и доведена до кондиций современного жилища. В процессе перестройки я понял, что с нуля строить намного легче, да и качественнее. Впрочем, тут у меня будет опора на специалистов.

Что самое хорошее в оставленном мной времени, так это наличие учебников во всем предметам. Начальное обучение – пожалуйста! Вот вам букварь, вот вам арифметика, прописи... Средняя школа пожалуйста! Все учебники разных авторов, сотни если не тысячи наименований... Берёшь любое ремесло, даже самое экзотическое, ан и по ним имеются всё что нужно. С появлением же интернета наступили вообще волшебные времена, особенно если комп не сломан, а за трафик заплачено.

Приступая к обучению Осипа и Пети я сразу взялся писать учебники: всё равно пригодятся для будущих учеников. Останется лишь издать, а это вопрос решаемый даже в эту эпоху. Разумеется, создавал я некую компиляцию из учебников, по которым я учился и когда-либо видел. Ну и письменные упражнения, задачки пришлось сочинять самому, всё-таки нужно учитывать реалии этой эпохи. Так что никаких килограммов, конфет, автомобилей, а фунты, аршины, морковки да лошади с телегами.

А ещё я пишу трактат с обоснованием привычных мне мер и весов, благо тема близкая и знакомая: география, пятый класс. Я не собираюсь надрывать пупок доказывая нужность метрической системы на государственном уровне. Зачем? Дадут разрешение географам работать с ней, да и ладно. А со временем может и привыкнут, в истории такие прецеденты бывали. А чтобы всем было просто и понятно, в легенде карты, атласа и прочих географических документов будет таблица соответствия. Всего-то.

В этом же трактате я привязал нулевой меридиан к мысу Рока, крайней западной точке Евразии. Удобно и аполитично. Не будет теперь никаких Парижских, Гринвичских и прочих недоразумений.

И Цельсия обобрал, описав его температурную шкалу, потому что действительно удобная. Для очистки совести всё же упомянул, что опираюсь на советы некоего шведа, по имени Андерс Цельсий.

Вот сижу, занимаюсь столь необходимым плагиатом, и слышу, как под окном на скамейке под вишнями, Петя охмуряет девушек. Песни поёт. Голос у Пети шикарный, глубокий баритон с такими бархатными интонациями... Девушки млеют его слушая. А вот одна и вовсе склонилась к его плечу, ведя в унисон:

Если в тёмную ночь, иль средь белого дня,
Ни за что, ни про что, ты разлюбишь меня,
Ни о чём не спрошу, ничего не скажу —
На дарёном платке узелок завяжу.

Вот ведь бестии, до чего душевно поют, аж слёзы наворачиваются. У девушки голос, как у молодой Зыкиной. Выглянул я в окно, а картина и впрямь изумительная: тёплый вечер, мягкие сумерки, самое песенное время. Вокруг скамейки на брёвнах и каких-то колодах сидят девушки и парни. Чуть в отдалении, на лавках, сидят люди посолиднее, а те кто повыше положением, разместились на просторном княжьем крыльце. Да, с князем во главе. Князь Давид сидит на покрытой ковром лавке, локтем, несколько картинно, опираясь на небольшой столик, и покачивает головой в такт песне.

Петя с напарницей завели «Чёрный ворон», да ладно-то как! Девушка несомненный талант. Но когда этот ловелас успел научить её новым песням, мы здесь всего-то четвёртый день!

К Пете подскочил молодой парень, и что-то шепнул ему на ухо. Петя согласно кивнул, и запел так полюбившуюся князю «Эх, дороги». Теперь певунам аккомпанируют домра и флейта. До чего ведь душевно поют! За душу хватают. Князь совсем растрогался, смотря, на словах:

Выстрел грянет, ворон кружит
Твой дружок в бурьяне неживой лежит.

у князя слезы полились из глаз. Он что-то шепнул стоящему рядом мужчине, тот кивнув скрылся в дверях. Когда песня закончилась, этот мужчина поднёс Пете кубок, а девушке что-

то вроде кулича на блюде. Петя низко поклонился князю, отпил большой глоток и поставил кубок рядом, мол такой подарок надо отрабатывать. И завёл:

Еще он не сшит, твой наряд подвенечный,

И хор в нашу честь не споет...

А время торопит – возница беспечный, —

И просятся кони в полет...

Когда Петя иссяк, эстафету приняли другие. Песни были мне совершенно незнакомы, ещё бы! Четыреста лет прошло.

Часа через два, прижимая к груди кубок, вернулся счастливый Петя.

– Это, того-этого, барин поглянь, чем меня князь пожаловал.

Кубок и впрямь был хорош. Золотистый, должно быть бронзовый или латунный, с красивой чеканкой в восточном стиле, украшенный четырьмя жёлтыми камнями.

– Что сказать, Петя, вот и появился у тебя первая семейная реликвия. Я тебе советую на донышке выгравировать надпись что такого-то числа, такого-то года князь Гундоров из рода Рюриковичей пожаловал сей кубок Петру... Как твоя фамилия, Петя?

– А я, того-этого, найдёныш. Подкидыш значит.

– Значит Петру Рьльскому за сердечное исполнение хороших песен.

– Барин – взмолился Петя – запиши мне на бумажке то что сейчас сказал, а то я ни в жисть не запомню! А я с твоей бумажкой завтра пойду к ювелиру. И Олино блюдо возьму.

– Так ту певунью зовут Оля?

– Ага!

– Хорошая девушка?

– Очень. Жаль её, замуж никто не возьмёт.

– Почему?

– Вестимо почему. Сирота она бесприданная. Разве что старик какой позарится или кто из важных господ обрюхатит, да приданным откупится, а её, бедняжку, тем приданным попрекать будут до гроба.

– А ты?

– А что я? Я Олю третий год знаю, сердцем прикипел, да только я тоже сирота безродный, без угла и следа. – Петя чуть не плакал.

– Слушай, Петя, я с тобой про завод говорил всерьёз. Деньги я в него вложу, а ты мне либо постепенно вернёшь долг, либо будешь работать со мной исполу. Так что ты в будущем человек обеспеченный. А Оля, если я правильно из окна разглядел, тебя не предаст.

Петя выглядел до крайней степени ошарашенным.

– Или ты думаешь, что Оля тебе откажет?

– Точно не откажет. Она сама намекала.

– Если так, то сколько вам будет нужно на достойную свадьбу? Сколько надо денег?

– А нисколько – заулыбался Петя – Если Оленька не откажет, то мы обвенчаемся и будем вместе жить. На венчании церкви гривенник пожертвуем, да и ладно.

– Ну раз так, то ступай, объяснись с Олей.

– Угу – и Петя исчез.

Иван Григорьевич Выродков оказался так сказать «типичным воеводой». Высокий, крепкий, наделённый той неприметной внешностью сильного мужчины, что так нравится женщинам. И редкостный умница, к тому же.

– Ага! – сказал он прочитав мой план – Нужны люди и снаряжение, а денег ты не просишь.

– Люди остаются на твоём коште, Иван Григорьевич – отвечаю я – Мне нужен их труд.

– Я смотрю что ты планируешь строительство заводика как военную операцию. Где учился?

– Не знаю, Иван Григорьевич. Мне крепко досталось по голове, так что я потерял память. Умений и знаний сохранилось много, а вот откуда они – бог весть.

– Разные чудеса случаются на Божьем свете. Ну да речь не о том, выкладывай свои соображения.

– Замысел основан на том – расстилая на стола карту начал я – что наши противники наверняка уже осведомлены о планах строительства завода на реке Псел. Слишком уж много лишних глаз в Рыльске, как впрочем и в любом другом городе. Однако противникам до Псёла дальше чем нам, и это нам выгодно. С другой стороны они не привязаны к одному месту и не связаны обозами и работными людьми, что выгодно им. Следовательно, нужно наш недостаток превратить в достоинство.

– Каким образом?

– До начала операции нужно заложить на Псёле опорную базу, где накопить инструменты, материалы, продовольствие и всё что потребуется. И на эту базу будут опираться воины, наряженные на охрану и оборону строительства.

– Так-так...

– Таким образом, даже если бы противник находился рядом, он не может в полную силу противодействовать нашему строительству. Наоборот, он будет вынужден постоянно обороняться, то есть, инициатива будет у нас.

– Продолжай.

– К сожалению, плечо подвоза по реке для нас перекрыто, так как Днепр на участках, где Сейм и Псел впадают в него, принадлежит не нам. Остаётся только сухопутная дорога, и она, по счастью, идёт по водоразделу. Но расстояние великовато, а значит придётся строить цепочку укреплённых острожков.

– А окупит твой заводик такие траты?

– Суди сам, Иван Григорьевич, во время разведки кузнецы, которые были со мной, из второпях сделанной домницы получили две полосы железа больше чем по полпуда, а я получил больше шести пудов чугуна. Из чугуна я тотчас же отлил ядра и якорь, правда якорь очень корявый, потому что не ожидал что получится так много чугуна, вот и лил просто в канавку на песке. Из железа, что получили кузнецы, они уже отковали саблю, и наместник Рыльский её похвалил, а ты знаешь, как он скуп на похвалы. А сколько можно получить металла, когда варить его будем в больших печах?

– Да, заманчиво. Наместник Рыльский целиком за этот план, дьяк мой, Тимофей Ломакин, кстати, он скоро придёт, тоже ратует за него. А теперь давай-ка пройдемся по деталям.

Тут в дверь постучали и дьячок доложил:

– Прибыл дьяк Тимофей Ломакин, просит принять.

– Проси!

– Присаживайся. Тимофей Иванович, будем вместе думать.

– Если позволишь Иван Григорьевич, – улыбнулся я – скажу, как в таких случаях говорил мой покойный наставник: «Подумаем, как из хорошего плана сделать жизнеспособный».

– Умный был твой наставник – засмеялся Иван Григорьевич.

Уже к вечеру большинство вопросов были решены, и меня отпустили. Уходя я слышал, как глава Разрядного приказа бормотал, глядя на оставленную мною карту:

– Опорная база. Да уж, опорная база.

Глава четвёртая

которая началась праздником, продолжилась суетой, а закончилась похоронами, на которых грустят совсем по другому поводу

Когда я был маленьким, то думал, что царский или королевский двор это что-то вроде нашего поселкового исполкома, куда любой желающий может спокойно войти. А при желании, можно запросто поговорить с царём-королём... Когда я повзрослел, то узнал, что в исполкомы высокого и очень высокого уровня так просто не войдёшь, и с главой не то что государства, но и области, запросто не побеседуешь. Да и то сказать, если большой начальник будет с каждым желающим пить чай, то ведь и захлебнуться может. Когда мои годы повернули к старости, а страну к капитализму, то выяснилось, что и к поселковому начальству теперь может не пустить охранник с дубинкой и пистолью. А тут не капитализм даже, а феодализм в самом расцвете, стало быть и доступ к настоящему, а не сказочному царю очень даже ограничен.

Строго глядят нарядно одетые воины, суетятся дьяки, сверяясь со своими списками, какие-то распорядители расставляют прибывших гостей согласно их рангу, знатности, родovitости и уж не знаю каким ещё требованиям. Князя Гундорова вежливо проводили куда-то в первые ряды, его приближенных к приближенным других важных князей, а меня задвинули подальше, но что утешило, далеко не в конец.

Торжество началось на улице, благо погода была великолепная: солнечно, но далеко не жарко, ветерок колышет ленты на хоругвях, знамёна, и что-то похожее на орифламмы, яркие краски нарядов воинов, блеск великолепных доспехов рыцарей, или как они называются? В школьном учебнике об этом совершенно точно не упоминалось. А на отдельном помосте, примыкающем к более высокому царскому помосту, блистают золото, шёлк, бархат и меха знати. Помосты застелены коврами – богатыми под ногами высшей знати и роскошными на царском помосте. Публика попроще, в том числе и я, стоит на земле. Все одеты в лучшие свои наряды, в том числе и я. Князь Гундоров ещё вчера к обеду вызвал меня, и оказал неслыханную честь: велел одеться в его собственные выходные одежды.

– Виделся я с Выродковым Иваном Григорьевичем, он согласен с твоим планом.

– Нашим планом, князь Давыд Васильевич, планом. – с лёгким поклоном внёс поправку я – от меня там идея, а решение на воплощение, целиком твоя, князь заслуга.

Давыд Васильевич кивнул, поправку принял. Ну что же, прогиб засчитан. Хотя по-честному, такую махину, как подъём горнорудной и металлургической промышленности нужно двигать всем государством.

– Пусть так. Словом, дело двинулось. Завтра, на праздновании тезоименитства я поднесу великому государю подарки, в том числе и глобус с картами. Государь, конечно же, захочет узнать кто их создатель, тут я тебя и представлю. Тщательно продумай свой ответ, если государь пожелает тебя о чём-то спросить, не ляпни какую глупость, но и не стой проглотив язык. И помни: государь наш хоть годами и юн, но дух в нём истинных Рюриковичей. – и князь Давыд гордо глянул на меня, мол, и во мне имеется тот дух. – А потом, может на следующий день, а может и позднее, нас призовут вручить нашу тайную карту. Повезло тебе, Александр, дважды увидишься с великим государем, а то вот многие тысячи людей, некоторые из них познатнее тебя и многих других, такой чести ни разу в жизни не удостоиваются.

– Неужто такое бывает?

– Всяко случается. Это жизнь, она такая вот, извилистая. Да, на тезоименитство и встречу с великим государем, жалую тебе свои выходные одежды. Сам в молодости в них красовался,

ключарь говорит, что тебе они подойдут, у него глаз острый. Смотри не попорть! Они мне ещё пригодятся.

И вот я в полном облачении молодого боярина. На голове ярко-синяя шапка, шитая золотыми и серебряными нитями, отороченная каким-то очень красивым мехом. Выглядит шапка просто шикарно, и при этом голова в ней не потеет, потому что имеется хитрая система вентиляции. Кафтан тоже шелковый, ярко-синий, покрытый изящной вышивкой, в том числе, золотой и серебряной, но сделано с таким вкусом, что можно просто любоваться как картиной. Ворот кафтана высокий, стоячий. Под кафтаном у меня удлиненный жилет вроде камзола, мне говорили, как он именуется, да я опять выкинул из головы. Камзол красный, тоже украшен великолепной вышивкой, под ним золотистого цвета рубашка, тоже шелковая, но плетение ткани необычное, никогда даже в той жизни такого не встречал, а видел я тканей немало, сестра моя, покойница, была знатная портниха. И подумал, что по рукавам и вороту рубахи были бы уместны кружева. Делаю себе зарубку на память. Штаны просторные, синие, украшены чем-то вроде лампасов, только зигзагообразными. Сапоги из тиснёной красивыми узорами зелёной кожи имели серебряные чеканные накладки на носке и пятке. Шпор не прилагалось. На роскошный, вышитый цветами и фигурками животных пояс я подвесил свою саблю. Хотя, правильнее её назвать сабелькой, поскольку она меньше всех, что я сейчас вижу вокруг себя. Кстати вооружены все. Как мне объяснили, оружие есть неременный атрибут высшего сословия и оно символизирует готовность в любой момент встать на защиту своего государя, его державу и за собственные честь и достоинство. Причём, именно в этом порядке.

Церемония была торжественная, долгая, но совершенно нескучная. Я-то, грешным делом, привык в той жизни к шаблонным речам по бумажке, бубнежу в микрофон и постным личикам согнанных на мероприятия народных масс. Ради справедливости замечу, что друзья, порабатовавшие за границей утверждали, что там всё идёт по тем же сценариям.

А тут даже самый ничтожный из приглашенных знает, что он выбран из тысяч достойных. Праздники настолько важные, что на них выходит самолично царь, редки, оттого на лицах присутствующих законная гордость. Речи здесь произносятся звучными, отлично поставленными голосами. Ещё бы! Речи звучат из уст полководцев, управлявших битвами безо всяких там мегафонов, так что их голоса легко перекрывали всю немалую площадь, донося до каждого уха каждое слово.

Царь стоял на специальном возвышении, в окружении всего трёх человек: священника, в белом с золотом одеянии, должно быть, митрополита Макария, и двух сановников с роскошных одеяниях. Перед помостом стояли рынды в белоснежных кафтанах, на головах высокие меховые белые шапки, в руках богато изукрашенные топорики на длинных рукоятях.

Да уж, следует срочно узнать, кто есть кто в царстве Российском, и вызубрить наизусть.

Надо сказать, царь Иван Васильевич производил неизгладимое впечатление: высокий статный молодой человек, с волевым красивым лицом, украшенным бородкой и усами. Помню реконструкцию внешности Ивана IV, выполненную Михаилом Михайловичем Герасимовым, сделанный им скульптурный портрет полностью совпадает с тем что я вижу, разумеется, учитывая возрастные изменения, которые ещё будут. Цвет глаз из-за расстояния я не разглядел. Волосы тёмные. На голове знаменитая шапка Мономаха, одет в тяжёлую одежду, вышитую золотом и осыпанную драгоценными камнями так, что ткани под вышивкой видно не было. Несколько рассеянно царь оглядывал площадь, и когда его взгляд скользнул по моему лицу, я понял, что царь запомнил и меня. Есть на свете такие люди, обладающие почти сверхъестественной памятью на лица и имена, и Иван Васильевич один из них.

Потом торжественно вынесли тяжелое кресло с высокой резной спинкой, и царь опустился на него. Началась церемония вручения подарков. Для меня стало удивительным открытием, что подарки сначала вручали первейшие вельможи Руси, потом только послы важнейших держав: Османской империи, Священной римской империи, Персии... Потом снова пошли

русские вельможи, а только потом всякая европейская мелочь. Подносили оружие, ларцы с драгоценностями, ткани и одежды, коней, сбрую, книги... Царь улыбался, кивал, иногда задавал какие-то вопросы дарителям. В это время меня нашел служка. Когда дошла очередь до князя Гундорова, он выступил вперёд и стал представлять царю подарки:

– А вот эту сабельку отковали мои кузнецы из железа добытого в Северной Земле твоего царства. Если на то будет твоя воля, я о том отдельно доложу. А вот, великий государь, земное яблоко, или иначе глобус, на котором с необыкновенной точностью отображены все земли и воды. И ты, великий государь, можешь одним взглядом обозреть все моря, реки, горы и державы. А вот земные чертежи, или карты на которых те земли отображены по отдельности.

– И кто выполнил сие диво?

– Карты и глобус начертал присутствующий здесь твой служилый человек, географ Александр Евгеньев сын Белов. Он немец знатного рода, изъявивший желание служить тебе, великий государь. Сейчас он перешел в истинную веру и подвизается при мне. А шар для глобуса изготовил мой мастер Епифашка Рябой, о том имеется табличка на подставке.

В течение этой речи царь внимательно смотрел на меня. Я, помня указания князя, низко поклонился и опустился на колени.

– Вставай, Александр Евгеньевич – сказал царь – будет время, я тебя выслушаю.

– Государь-батюшка нашего немца вичом пожаловал! – потрясенно ахнул кто-то из ближних Гундорова, до сих пор не замечавших меня. Потом был торжественный обед, на котором меня посадили уже значительно ближе к главному столу. Карьерный рост в самом явном виде, понимаешь. Я оглядел богато украшенный стол, и тут мне припомнился «Картёжник» Логина, и сетования Олега Казина на трудность поиска съедобного среди обилия пищи на приёме в честь инаугурации Вохи. Не то чтобы потчевали чем-то нехорошим – тысячу раз нет! – но отличные продукты приготовлены настолько непривычно, что я кроме дичины, хлеба и вина ничего и не ел. А что? В дальнейшем придётся привыкать. Деваться-то мне и некуда, разве что для себя готовить по привычным мне рецептам. Но где взять специи? Здесь они имеются, но стоят просто немилосердно. Хотя вчера на рынке у торговца пряностями я купил с десятков зёрен горчицы, буду разводить. В моё время горчицу сеют в качестве сидерата, авось и эта вырастет.

От рукописи географического трактата меня оторвал молоденький слуга князя:

– Александр Евгеньевич, князь Давыд к себе призывает, поспеши.

– Иду, скажи князю, тотчас буду.

Слуга убежал, а я отложив карандаш, сложил бумаги в сундук, одел кафтан, шапку и двинулся к князю. Это близко, только через двор перейти. Вот так, успехи мои неоспоримы. Все меня теперь по имени-отчеству величают. Эх, как бы не споткнуться!

– Моё почтение, князь Давыд Васильевич! – поприветствовал я князя, сидящего под иконами в «малой горенке», как он называл свой кабинет. Обстановка горенки довольно аскетичная для князя: стены обиты голубой тканью, кроме икон на стенах почти никаких украшений, только прямой меч с богато украшенной рукояткой, судя по виду весьма старинный, такой же древний щит и полукруглый шлем, украшенный только несколькими потемневшими серебряными пластинами с почти неразличимым рисунком.

– Входи, Александр Евгеньевич, присаживайся, я тебя обрадую. – он оглянулся на оружие, которое я разглядывал, и пояснил – Это, пожалуй, самая главная драгоценность моего рода: это оружие, как гласит наше семейное предание, принадлежало самому Рюрику. Уж не знаю, о том предание ничего не говорит, сам ли Рюрик его в бою использовал, но думаю, что сам.

Я с уважением разглядывал раритеты. Даже если оружие и не рюриково, древность их несомненна.

– Слушаю, Давыд Васильевич – присаживаясь на скамейку сказал я.
– Гонец только что был от великого государя. Ждёт он нас с тобой завтра, после заутренней молитвы. Готовься, будешь на государевы вопросы отвечать.
– Давыд Васильевич, разреши внести предложение!
– Для того тебя и вызвал, говори.
– Пока был я на приеме в честь царёва тезоименитства, сочинил песню для великого государя. Изволишь послушать?
– Отчего бы и нет? Сам будешь петь или Петю своего позовёшь?
– Конечно Петю. У него голос куда красивее моего.
– Как скажешь. Эй там! – повысив голос сказал князь.
– Чего изволишь, княже? – тотчас же вошел в дверь воин.
– Пошли кого ни то, пусть Петя-певун споро ко мне бежит.
Воин кивнул и вышел, а через пару минут запыхавшийся Петя предстал перед нами.
– Чего изволишь князь Давыд Васильевич? – кланяясь князю в пояс спросил он.
– Ну-ка Петя, успокой дыхание и спой новую песню, что тебя Александр Евгеньевич научил.

Петя успокоился, картинно встал и затянул:

Боже, Царя храни
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный.
Боже, Царя храни!

Из этой песни я помнил только мелодию и первый куплет, который звучал в фильме «Неуловимые мстители». Но разве трудно сочинить остальные куплеты? Вот я и сочинил с десяток, выбрал из них шесть, да и обучил Петю.

– Отменно! – заявил князь – иди Петя к ключнику, скажешь от меня, чтобы он тебя достойно одел, завтра пойдешь с нами к великому государю. Ступай!

В Кремль мы выдвинулись солидным отрядом. Десяток к воинов охранял возок, а в нём князя Давыда Васильевича, меня и тубус с картой. Петя ехал на запятках, видно пускать его в возок было не по чину. Ехали молча. Князь Давыд о чём-то напряженно думал, а я глядел на Москву.

Да, дух Москвы, там, в будущем, сохранился. Великий города, средоточие великих замыслов, а поверх, словно почти непрозрачная вуаль, скрывающая лицо, видна суета ловких людишек, сумятица, грязь и запахи.

Я учился и долгое время жил в Ленинграде, и ещё какое-то время жил в Москве, и однажды ясно понял, что Москва и Питер, это собственно, одно и то же. Не старая и новая столицы, а...наверное уместен такой образ: Москва и Питер подобны правому и левому желу-дочку сердца. Кто из них важнее? Кто может обойтись без другого?

Охрана осталась за воротами Кремля, возок оставили в одном из многочисленных внутренних двори-ков, а нас троих дворцовый слуга и дворцовый же охранник повели через боко-вую дверцу, по коридорам и переходам, к дверям в небольшой зал.

– Что в чехле? – указав на тубус спросил слуга.

– Там находится карта, которую я доставил по повелению великого государя – ответил князь – Александр Евгеньевич, предъяви сказанное.

Я открыл тубус, вытащил и развернул карту, отвернув лицевую часть от посторонних.

– А что изображено? – проявил любопытство слуга.

– То секрет государев – обрезал князь.

Всё правильно. Ограничение круга секретноносителей резко повышает безопасность государства, этому нас в армии учили.

Петя остался в коридоре, а мы с князем Давыдом вошли туда, где нас должен был принять величайший из русских царей. Помещение можно было бы назвать рабочим кабинетом, кабы не отсутствие совершенно необходимой для кабинета мебели: шкафов, стеллажей, стульев, а ещё лучше, кресел. Ну и письменного стола, конечно же. А был довольно обширный стол, стоящий посредине, а на нём подставка со свинцовыми карандашами, несколько закрытых чернильниц и связка очиненных перьев. Вдоль стен стояли лавки, а в красном углу, под иконами, складное походное кресло. Справа от него красовался наш глобус.

Ба, да это же типичная комната для оперативных совещаний! Значит у царя Ивана имеется некий прообраз Генерального штаба. Это хорошо, значит горизонт планирования в нашей державе довольно обширен. А если ещё они не брезгают советами... Впрочем, последнее вряд ли.

Открылась дверь напротив, и в зал вошли трое: в центре шел царь Иван Васильевич, слева глава Разрядного приказа Иван Григорьевич Выродков, а справа роскошно одетый юноша с красивым, надменным лицом. Мы с князем Давыдом встали на колени, и князь Давыд шепнул мне:

– Выродкова ты знаешь, а второй человек, это царёв ближник князь Андрей Михайлович Курбский.

Мне чуть не поплохело. Вот так, без подготовки, видеть на расстоянии вытянутой руки легендарного Иуду, это сильно.

– Много лет здравствовать и благоденствовать тебе, и твоей державе, великий государь! – сказал князь Давыд. Я тоже произнёс приветствие.

– Рад вас видеть, вставайте будем говорить. – звучным голосом сказал царь – Князя Давыда Васильевича я знаю и ценю давно, а вот о тебе, Александр Евгеньевич, хочу узнать подробнее.

Князь Давыд от царской похвалы расцвёл, а я откашлявшись задал осторожный вопрос:

– Что именно ты хочешь услышать, великий государь?

– Скажи кто ты, откуда, где воспитывался, учился, почему решил прийти ко мне на службу.

– К сожалению, великий государь, многие вещи о себе я могу сказать только с чужих слов, а их я тебе передам без утайки.

– Говори и ничего не бойся – поощрил меня царь.

– Рождён я в немецких землях, и являюсь младшим сыном незначительной ветви могучего рода, получившим в наследство лишь имя. Воспитание и образование я получил домашнее, но при этом весьма основательное, поскольку моим образованием занимался Лотар Штайн, человек невероятно образованный и много знающий. Около года назад, после смерти батюшки, а матушка умерла ещё раньше, братья поделили отцовское имение, а меня выгнали. Чтобы содержать себя, мне пришлось искать службу. Я обращался к польскому крулю, но получил отказ. Такой же отказ я получил при дворе Великого князя Литовского. Пришлось наниматься к Скурдо-Осокину, назначенному послом в Бухару. Когда посольство двигалось по Дикому Полю, я получил приказ посла доставить письмо и подарок ногайскому мурзе, с которым у посла была условлена встреча. Однако встреча не состоялась, так как на мой маленький отряд, состоявший из меня, Лотара Штайна и трёх литовских воинов, по виду суших смердов, едва научившихся держать в руках саблю, напали воровские черкасы. Нападение было неожиданным, я получил удар по голове и в бессознательном состоянии был пленён, Лотар получил ранение в бедро и тоже был оглушен, а воинов черкасы просто убили. Нам повезло, что в это время в Дикое Поле, на разведку вышел отряд князя Сергея Юрьевича Мерззликина, который спас меня и Лотара. К несчастью, у Лотара началась гангрена, иначе именуемая антоновым

огнём, от которого он впоследствии скончался. Кстати сказать, Лотар обратился в истинную веру, и по крещении получил имя Устин Себя я помню с момента, когда меня освободил князь Мерзликин, а всё что раньше я совершенно не помню. Устин Штайн высказал очень обоснованное предположение, что затевая нечто незаконное, проклятый Скурдо-Осокин отравил меня, чтобы сам факт передачи письма и денег татарскому мурзе остался тайной. Но Божьим чудом я остался жив, хотя и потерял память о собственном прошлом. Однако знания, полученные при обучении, у меня сохранились в полном объёме.

– Разные случаются чудеса на Божьем свете. – задумчиво сказал царь и обратился к Выродкову:

– Что скажешь, глава Разрядного приказа?

– Ну что сказать, великий государь... Сразу после получения письма Рыльского наместника о человеке с необычными знаниями, пришедшем на твою службу, я дал указания проверить сведения о сем человеке.

– И каков результат?

– Рассказ подтверждается письмами доверенных людей из Прусской земли, Польши и Литвы. Приметы названные в этих письмах, полностью совпадают. Я говорил с несколькими лекарями, они подтверждают возможность подобной потери памяти, и выражают надежду память может восстановиться. Святой старец Мирон, что живёт в Спасском монастыре, также говорит, что подобное, хотя и очень редко, всё же возможно.

– Ну что же, Александр Евгеньевич, – потер руки царь – теперь поговорим о некоей секретной карте, которую обещался принести князь Давыд Васильевич. Принёс ли обещанное, князь?

– Принёс, великий государь.

Я открыл тубус и расстелил карту на столе и все с интересом стали её разглядывать.

– Похожа на те карты, что ты, князь Давыд, мне преподнёс, но вижу я много значков, которых раньше не встречал.

– Взгляни на легенду, великий государь. – порекомендовал князь, указывая на табличку условных знаков внизу карты.

– Да! И правда, в легенде они обозначены и расписаны. Скажи-ка, князь, что есть никель? Это же имя мелкого беса...

– Если позволишь, великий государь, я отвечу – выступил я вперёд.

– Говори.

– Никель есть металл, серебристо-белого цвета. Если его добавлять в железо, сплав будет много крепче и гибче. А ещё можно покрывать им изделия, например панцири, от этого они станут красивыми и не будут ржаветь.

– И ты сможешь получить никель?

– Нет, великий государь. Сейчас этого никто не сможет. Но следует поставить задачу алхимикам, чтобы они не маялись глупостью с философским камнем, а нашли способ получения никеля.

– Тогда откуда ты знаешь о свойствах сего металла?

– От Устина Штайна. Его знания просто поражали воображение, и он успел передать мне лишь самую малость.

– А вот значок хром. Что сие?

– Тоже металл, и его тоже ещё не научились получать.

– И что ты прикажешь делать с картой указывающей на металлы, которых никто не умеет получить? – подал голос Курбский.

Царь с интересом наблюдал, как я отреагирую.

– Приказывать никому из присутствующих я права не имею, потому что двое весьма высокородны, а над одним из находящихся здесь и вовсе лишь сам господь бог властен. – я

поклонился царю, заметив, что ему мой ответ понравился. Сословное общество, тудить ему в печень! – но кроме металлов, которые мы ещё не умеем получать, есть те, которые умеем, но на Руси их не добывают. Например медь. Вот погляди, великий государь – нарочито игнорируя Курбского я обратился прямо к царю – вот здесь, в Карьяле есть доступное месторождение, и не очень далеко.

Начали так и сяк прикидывать возможности государства по добыче предъявленных полезных ископаемых. Меряли линейками, шагали по карте циркулями, черкали на бумажках расчёты...

– И всё-таки, Александр Евгеньевич, что делать с картой, если замысел взять в размахе моей державы?

– Я могу лишь высказать мысль, а решать лишь тебе, великий государь.

– Говори.

– Я бы предложил создать ещё один приказ, Горных дел или Горнозаводской, который бы ведал добычей полезных ископаемых и их переработкой в металлы и всё остальное, что из глубин земли можно добыть. И назначить главой этого приказа надёжного, умного и распорядительного человека, доказавшего лично тебе, великий государь свою преданность. При этом человек должен разбираться в людях, чтобы ставить каждого на своё место, и не чураться новин, а наоборот, внедряя их.

– Понял я на кого ты намекаешь. Что же, муж сей более чем достоин, а значит быть посему: князь Гундоров Давыд Васильевич! – взволнованный князь вытянулся в струнку – повелеваю тебе написать челобитную с обоснованием нужности Горнозаводского приказа. Ежели я увижу, что ты справился с этой первой задачей, то быть тебе по знатности и заслугам, и как главе приказа, думным боярином.

Князь рухнул на колени, изливаясь благодарностями. Да. Сейчас в том нет унижения: какие времена, таков и этикет.

– Есть ли ещё вопросы? – поинтересовался царь.

– Если позволишь, великий государь, – князя просто распирает восторг – преподнести тебе ещё один подарок.

– Что это?

– На твоём тезоименитстве Александр Евгеньевич песню сочинил, обучил ей своего слугу, а я приказал тому слуге следовать за нами к тебе. Разреши представить?

– Дозволяю.

Царь уселся в кресло, Курбский и Выродков сели на лавку справа, а князь Давыд и я слева от государя. Вошедший Петя, при виде царя рухнул на колени, лбом уперевшись в пол. Было видно, что его бьёт крупная дрожь.

– Не бойся, добрый человек – ласково сказал царь – Правду ли сказал князь Гундоров, что ты хорошо поёшь?

– Я стараюсь, царь-батюшка – откашлявшись подал голос Петя.

– А многим ли песням тебя научил твой хозяин?

– Как бы не две дюжины, царь-батюшка.

– Последняя их них тебе понравилась ли?

– Понравилась, царь-батюшка.

– Споёшь ли ты мне её?

– Спою, царь-батюшка.

– Ну так пой – ласково попросил царь.

И Петя запел. Вот ведь талант у человека! Голосом он владел прекрасно, поэтому не оглушал, хотя чувствуется что мог бы и оглушить, не подавлял, он просто заполнил собой пространство.

– Да, ты прекрасный певец – сказал царь – И песня хорошая, мне по душе. Теперь спой ещё, из тех песен, что тебе самому больше всех нравятся.

Петя глубоко поклонился и запел «Издалика долго течёт река Волга», потом «Эх дороги», а потом «Колечко», единственную песню из репертуара группы «Иванушки интернешнл», которую я запомнил.

– А что, Александр Евгеньевич, – обратился ко мне государь – отпустишь ли ты ко мне своего человека? Уж очень его песни мне по душе.

Я встал и поклонился прижимая руку к сердцу:

– Великий государь! Петя свободный человек и волен в своих поступках. Ежели ты его призываешь, то я не сомневаюсь, что он с готовностью пойдёт тебе служить. Я же буду только рад за него.

– А ты Петя что скажешь?

– Царь-батюшка, я и мечтать не мог о таком счастье. – Петя встал на колени и коснулся лбом пола – Только я не один. Теперь я женатый человек.

– Что же, и жена твоя будет при месте.

Князь Гундоров откашлялся:

– И тут ты не прогадал, великий государь. Ольга, жена Пети, тоже знатная певунья. Поёт так, что сердце заходится.

Царь покивал головой и произнёс:

– Ну что же, теперь изъявлю свою волю.

Все встали в ряд перед царём, сидящим в кресле. В дверь, повинувшись знаку государя, вошел дьячок с книгой и пером в руках.

– Князь Гундоров Давыд Васильевич, за верную службу, за усердие и за дальновидность жалую тебе право срочного, внеочередного доклада царю. Также жалую пятьсот четей угодной земли рядом с твоей вотчиной и триста рублей денег.

Князь переломился в поясе.

– Белова Александра Евгеньевича жалую сыном боярским. Думаю впрочем, что ещё подрастёт. Кроме того жалую поместье... А вот где бы ты пожелал поместье?

– Если на то будет твоя воля, то рядом с заводами, которые будут строиться, если опять же, на то будет твоя царская воля, на реке Псёл или реке Ольшанке.

– Это же Дикое Поле? – удивился Иван Васильевич.

– Думаю я, великий государь, что коль ты обратил своё внимание на эти земли, то недолго им оставаться беззащитными. А в будущем той земле цены не будет, настолько она плодородная.

– Да будет так: сыну боярскому Белову Александру Евгеньевичу жалую вотчину в пятьсот четей на реке Ольшанке, на месте по его выбору. Также жалую ему двести пятьдесят рублей денег.

Щедрое пожалование. Впрочем, и получил царь совсем не мало.

– А тебя. Петя, беру на службу певцом, с окладом приказного дьячка, платьем, и хлебным коштом.

Ой, а чего это князь Курбский так кривится? Зависть дурное чувство, а зависть к нижестоящему вообще мерзость непростительная.

На этом аудиенция закончилась и мы двинулись восвояси. Молча дошли до возка, молча сели и поехали. Князь Давыд напряженно о чём-то размышлял, а я был тому только рад, поскольку на меня навалилась жуткая апатия. Встреча с царём кончилась для меня прекрасным результатом, а могло бы быть наоборот.

Совсем-совсем наоборот.

– Пойдём ко мне – сказал князь, когда мы въехали на его подворье – Поговорить надо. Ну и дай последние указания своему человеку – кивнув на подошедшего Петю добавил князь.

– Благодарю тебя за службу, Петя, теперь ты уходишь служить неизмеримо более высокому господину. Ступай теперь к себе, извести свою Ольгу о новом месте службы, пусть порадуетя.

– Благодарствуйте князь–батюшка, благодарствуйте барин. – низко поклонился Петя – На счастье ты, Александр Евгеньевич, встретился на моём пути. Вон сколько счастья привалило: и Олю по твоему слову обрёл, и на царёву службу твоим словом и княжым ручательством попал. Благослови вас боже, господа мои!

– И тебе благополучия, Петя – сказал князь и добавил шутливо – смотри там при царской особе не возгордись, нас не забудь. Там глядишь, и сам нам ручательство давать будешь. Ну, ступай, Петя.

Молча мы поднялись в кабинет князя.

– Егорий, загляни ко мне! – на ходу скомандовал князь охраннику у дверей.

– Слушаю!

– Сейчас у меня будет серьёзный разговор, проследи, чтобы даже мышь к этой двери, ближе чем на пять шагов не приблизилась. Понял ли?

– Не изволь сомневаться, княже.

– Ну ступай, неси службу.

Мы уселись за стол, на котором уже стоял кувшин вина, три кубка, яблоки и печенье.

– Вот с чего я начну, Александр Евгеньевич... Очень мне интересно, отчего ты смотрел на князя Курбского как на чумную крысу?

– Даже и не знаю, как ответить, князь Давыд Васильевич. Я сам того не помню, но Лотар, то есть Устин покойный, говорил, что князь Курбский жаден и нечист на руку. Через это его подкупили польские люди из инквизиции. И что он же сообщает тайные сведения о великом государе цесарцам и англичанам. Только сам понимаешь, никаких доказательств у меня нет, и публично я сие не оглашу, чтобы не быть обвинённым в поклёпе на такого высокого вельможу.

– Эка оно завершилось! – ошарашенно произнёс князь – Ну что же, сообщу я эту новость главе Разрядного приказа, ему по должности в подобных делах разбираться. Что ещё знаешь?

– Ещё слышал, что князя Шуйские спят и видят на себе царские бармы. И у Захарьиных-Юрьевых есть нездоровые мысли, которые они тщательно прячут, но их доброжелатели в Польше и Англии знают их мысли. Но ещё раз повторю: слышал я всё это от Устина, а доказательств нет никаких.

– Шуйские, значит... Да, серьёзные дела. На том пока ладно, держи тайну глубоко в себе, а я кого надо извещу.

Князь отхлебнул вина.

– Давай теперь поговорим о наших делах. Сразу хочу вынести тебе, друг мой Александр, сердечную благодарность. Тебя мне сам бог послал. Мог ли я мечтать о том что стану думным боярином? А вот благодаря тебе, да с божьей помощью, стану. А теперь обсудим с тобой челобитную, что я должен подать великому государю.

– Если позволишь, князь Давыд Васильевич, то я составлю черновик челобитной, а ты опытной рукой поправишь и украсишь нужными красивыми словами.

– Добро, так и сделаем. Но это ещё не всё. Далеко не всё. Чтобы чем-то заниматься, надо дело знать, а я, грешным делом, о горном деле лишь от тебя узнал.

– Чем я могу помочь?

– Не откажешься стать первым дьяком Горнозаводского приказа, товарищем начальника?

– Смертным грехом было бы с моей стороны отказать тебе, князь Давыд Васильевич.

– Ну и слава богу.

– Однако, князь Давыд Васильевич, у меня будет несколько условий.

– Слушаю

– Во-первых, требуется чтобы дьяки и подьячие приказа обязательно обучались географии и арабской цифири.

– Да, география оказалась очень полезной. А арабская цифирь очень удобной.

– Второе: дьяки должны учиться у лучших мастеров науке по направлению, которое будут надзирать.

– Тоже разумно.

– Третье. При всех рудниках и заводах, которые будут строиться, открыть школы. В них в утреннее время будут обучать детей письму, арифметике и основам ремесла, которые пригодятся на заводе. А вечером там смогут учиться желающие из числа работников тех рудников и заводов.

– Захотят ли они учиться?

– Это их дело. Умные придут, а дураки нам не надобны.

– А что попросишь для себя?

– Для себя я попрошу некоторую свободу рук во внеслужебное время.

– Объяснись.

– Хочу, чтобы у меня была возможность в свободное от службы время, на базе заводов, воплощать некоторые свои задумки. Труд мастеров и материалы я буду оплачивать.

– Что тебе это даст?

– Тут такие дела... Есть у меня некоторые задумки, и если они получатся, я стану действительно богатым человеком.

– Х-хе! У тебя да не получится? Вот что, Александр, сделаем так: расходы по твоим задумкам я беру на себя, а когда дело дойдёт до продаж, то барыши будем делить исполу. Что думаешь?

– А согласен.

Чего тут кочевряжиться? Лучшего покровителя мне не найти, и так князь тянет меня за собой на вершины власти. Не сорваться бы только.

– И ещё вот что... Тут двое парнишек подрастают, не чужие они мне. Возьмёшь их себе в обучение? Только тишком.

– Ну что, давай, князь Давыд Васильевич, сразу пятерых соберём, посмышлёней, я отбор лучших проведу, всё будет выглядеть солидно. И разговоров лишних не будет, и обученные люди вовсе не лишние.

– И ведь верно! Сколько тебе надо времени для черновика челобитной?

– Два дня самое малое. Очень о многом надо подумать, многое взвесить, посчитать, прикинуть...

– Хорошо, работай не торопясь, но поспешая. Сам понимаешь, что стоит на кону.

Задумчивый и рассеянный вернулся я в свою комнату. Упал на кровать, собирая в голове перепутавшиеся мысли, и уже стал задрёмывать, когда в дверь постучали.

– Входите!

Вошел здоровенный воин, из послужильцев князя:

– Александр Евгеньевич, князь срочно тебя зовёт, дело безотлагательное.

– Веди.

Воин впереди, а я сзади, скорым шагом двинулись к терему князя, но свернули не к крыльцу, а в неприметную дверку, ведущую вниз. Подвал оказался весьма глубок, не меньше четырёх метров от поверхности. Кирпичные стены аркой переходили в черёхсводчатый потолок, пол вымощен плитняком, окон нет, свет имеется только от двух масляных ламп. «Надо керосиновые изобретать» – подумалось мне.

– Не даю я тебе отдохнуть, Александр Евгеньевич – сразу в дверях встретил меня голос князя.

Кроме него в помещении находилось ещё трое: высокого роста воин с обнаженным кинжалом ближе к дальней стенке, среднего роста мужчина в кожаном фартуке поверх одежды, со здоровенными клещами в руках, и голый, не считая платка на шее небольшого мужичка, с торчащей из спины чуть выше пояса короткой стрелы. Вокруг стрелы было густо намазано какой-то мазью, так что кровь не текла.

– Тут видишь какое дело: только ты пошел к себе, Антон увидел, как из твоего окна вылез этот злодей и полез на крышу. Антон взял самострел, да и снял его со стены. Мы его уже разговорили, послушай и ты, что он скажет.

Я смотрел на распяленное по полу тело: руки и ноги мужичка были привязаны к кольцам в полу. Такие же кольца были и в стенах на разной высоте, а с потолка свисала цепь. В углу стояла холодная сейчас жаровня, а рядом с ней накрытый мешковиной стол. Мешковина слегка оттопыривалась, видно что-то под ней лежало. Ясное дело, мы находились в пыточной. Впрочем, неприятных запахов в помещении не было, оно явно хорошо вентилировалось, хотя на первый взгляд, отдушин не видно.

– Ну, гадёныш, повтори что ты должен был сделать. – сказал князь, слегка пнув мужичка в лицо.

– Я должен был смазать ядом походную посуду выкреста немчика Белова.

– Успел?

– Нет, он быстрее пришел, пришлось уходить. – мужичок говорил с характерным «пшекающим» польским акцентом – А при отходе меня и подстрелили.

– Кто приказал?

– Отец Кшиштоф

– Зачем?

– Он получил от московитского вельможи сведения, что сей выкрест весьма опасен.

– Что это за вельможа?

– То знает только отец Кшиштоф.

– Понял? – повернулся ко мне князь – Пойдём, мои люди его ещё спрашивают, за государевыми людьми уже посланы, может они и успеют и злодей не издохнет до их прихода. А всё что касается тебя, ты услышал.

В просторной трапезной мы выпили по паре кубков густого вина, пожевали какое-то мясо. Впрочем, я не почувствовал вкуса ни вина, ни мяса. Твою же мать пятнадцать раз! Отныне и навсегда есть и пить буду только из посуды, которую на моих глазах вымыли с мылом. Мы поговорили с князем о то и о сём, и я пошел к себе. Утром, ещё солнце едва взошло, меня позвали на помойку подворья. Там уже была выкопана яма, в неё, уже при мне, скинули труп поляка с вбитым в грудь немаленьким деревянным колом, сверху засыпали извёсткой, бросили пару горстей крупной соли, да и забросали могилу землёй.

– Жаль. – сказал князь – Жаль, что пшек издох раньше, чем мы узнали от него всё. Ну да ладно, паскуду псевдосвященника Кшиштофа государевы люди уже взяли, никуда не денется, всё расскажет.

Мне тоже было очень жаль. Жаль, что ниточка под угрозой обрыва.

Глава пятая

которая начинается воспоминаниями, а заканчивается прогнозами

Мороз и солнце; день чудесный! Я стою на берегу Псёла и наблюдаю за тренировкой хоккеистов. На двух катках, расчищенных прямо на льду реки гоняют шайбу непримиримые соперники: «Гномы» и «Молот», составленные соответственно из молодых рудокопов и заводских мастеровых. Их общий соперник, «Заслон» сегодня отсутствует: все воины, кроме караульного наряда ушли в рейд, как они говорят: «душить черкасов». И то сказать, воины черкасов ненавидят люто, потому что когда наши ловят черкасов, то просто убивают, а черкасы наших продают туркам на галеры.

А на льду «Заслон» показал себя настолько хорошо, что против них имеет шанс только сборная команда. Правила игры подсказал я, и вышло довольно случайно: сначала попросил кузнецов отковать мне коньки. Получилась неплохая копия «Снегурочки», памятной мне ещё с детства, их я вместе со старыми сапогами отдал сапожнику, и он закрепил их намертво. Начал я кататься на расчищенном катке, и, во время своего очередного приезда в Обоянь, на меня пришел полюбоваться новый наместник, Аксаков, Леонтий Иванович. Самому ему кататься невместно, но он тут же заказал коньки для своих сыновей и телохранителей. Глядя уже на них, коньками стали обзаводиться воины, а там и мастеровые встали на коньки. А я заказал и отослал в подарок его супруге, Марии Ивановне финские сани, с удобным креслом. Надо сказать, мы с боярыней теперь большие друзья. Она любительница послушать песни и спеть самой, а я периодически подкидываю ей новые песни. Особенно ей понравилась «Катюша», и в исполнении боярыни с её девушками, песня звучит просто замечательно, тем более, что боярыня потихоньку собирает оркестр. Жаль, что до сих пор не изобрели аккордеона, впрочем, это инструмент очень сложный, и я, когда наконец начнут варить пружинную сталь стабильного качества, так-таки изобрету пищик, да и озадачу мастера Епифана Рябого сделать первую в Рыльске гармошку. Если всё удастся, то мы с ним и с князем Гундоровым немало денежек поднимем.

Да, что-то я постоянно отвлекаюсь, чуть не пропустил момент, когда «Молот» заколотил «Гномам» вторую безответную шайбу. Шайбу, ага! Поначалу мы тут использовали отрезок брёвнышка, но он, зараза, колется. Тогда кто-то из «Молотовцев» оковал деревянную шайбу полосой железа. Я пытался протестовать, но куда там! Мне меня же и процитировали: «Трус не играет в хакей». Так что канадское слово стало русским, не дожидаясь создания той самой Канады.

А видели бы вы, какие катания устраивают по вечерам! Под музыку, с песнями, в лучших нарядах. Опять же, с моей подачи, зародилось что-то вроде фигурного катания. Правда, в зимней одежде, и максимальный контакт – это подержаться за ручки или приобнять за плечико. Особенно молодёжь любит поздние вечера, когда танцующую пару на катке освещает прожектор. Прожектор, конечно слабенький, мощностью в одну керосиновую лампу. Отражатель отчеканен из листа железа, и его перед каждым субботним-воскресным катанием полируют прожектористы. Должность эта выборная, очень почётная: прожекторист стоит на небольшой вышке и как стемнеет освещает катающиеся пары. А на вышку, так уж повелось, стремятся попасть самые симпатичные девушки, для них даже построена удобная пологая лестница. Несимпатичные тоже стремятся, но у них меньше шансов, так что в прожектористы стремятся самые перспективные парни нашего городка.

Городок, как и в прошлом, назван Обоянью, и построен на месте неоднократно нами возведённых и уничтоженных врагами укреплений. Теперь ни у татар, ни у их прихвостней шансов нет. В мощной крепостице, пока что деревянной, базируется целый полк, более восьмисот воинов. Командует ими князь Мерзликин, продавленный на эту должность князем Гундоровым. А конкуренция была знатная: своих людей двигали Шуйские, Вяземские, и даже дядя царицы, Михаил Юрьевич, тоже прикладывал свой ядовитый язык. Победило знание местных условий и участие Сергея Юрьевича в открытии месторождения. А для царского спокойствия, в Обояни основали первый в России Особый Отдел Разрядного приказа. Командовать контрразведчиками приехал дьяк из Пскова, отличившийся там раскрытием заговора с целью бегства в Литву, пяти боярских семейств. Мы с ним поладили, и даже дружим, ну, насколько это вообще возможно дружить с гэбистом.

А вчера пришла весть о взятии Казани войском Ивана Васильевича. Оказывается, глава Разрядного приказа придумал хитрый ход: разобрали с десяток острогов по Волге, Тверце, Мологе и Оке, сплавили их к Казани, и, прикрываясь не слишком значительным войском, вышедшим к столице ханства, за каких-то три недели возвели крепость Свияжск. А потом подошли основные силы. Казань была обложена, и царь предложил Сафа-Гирею либо покинуть Казань вместе с желающими, с личным оружием и третью казны, либо поступить на службу русскому царю. Сафа-Гирей отказался, и в городе вспыхнуло восстание. За день и ночь восставшие практически вырезали противников вхождения в русское царство, и Казань открыла ворота. Сафа-Гирей, надо отдать должное его личной храбрости, дрался до последнего, но израненный упал и истёк кровью. Ему просто не успели оказать помощь, всё-таки при ранении подмышечной артерии, кровь уходит слишком быстро.

Так что весь казанский поход, не считая подготовительных мероприятий занял что-то около четырёх месяцев, и царь лично присутствовал в войсках не более месяца.

Я, прибыв в Обоянь в начале сентября, успел очень многое: возведены три кирпичных завода, один из которых ориентирован на изготовление огнеупорного кирпича. Началось строительство двух домен. Точнее, строятся фундаменты под них. Я решил делать фундаменты «на вырост». Сначала на этом основании построят небольшие, а потом, глядишь, и возведём громадину метров на десять в высоту. Но до этого чуда нам ещё расти много лет. И угольного кокса пока на производим: коксовую батарею даже не проектировали. Пока что алхимики колдуют над бурым углем, на десятке малых экспериментальных установок. Получается неважно, но время пока есть. А пока на заводе работают домницы для получения кричного железа и две пятиметровые домны для чугуна. Лес, по моему совету, князь Мерзликин рубить запретил, древесный уголь получаем из Литвы, везут нам его с Днепра по Псёлу.

И ещё осенью, в середине ноября, пожаловали по нашу душу татары, причём, солидным по здешним меркам составом. Мы их встретили, да хорошо так, никто не ушел не отмеченным. О набеге наместник и князь Мерзликин узнали заранее, сработала разведка. Да сами татары и продали сведения, такой уж они народ. Я предложил наместнику сделать тачанки с картечными, для чего взяли самые лёгкие из имеющихся пушек и установили на повозки на поворотные станки. При этом пушку для стрельбы следовало повернуть направо или налево по ходу, а с противоположной стороны опустить упор, чтобы отдача не перевернула повозку. Боезапас состоял из заранее отмеренного заряда и картечи, заранее плотно упакованной в мешок. Таким образом пушки, а оказалось их ни много ни мало, пятнадцать штук, двигались на двуконных повозках в составе конного подразделения.

Татары подошли к Обояни и начали обстреливать город зажигательными стрелами, но эффекта это не дало: князь Сергей Юрьевич заранее распорядился сделать на чердаках запас воды, и при обстреле поливать крыши водой. Помогло.

Я тоже поразвлекся: взял три своих ружья с колесцовыми механизмами, купленные в Москве перед отъездом, и устроился в одной из башен. Мой новый слуга, Ероха, заряжал

ружья, а я отстреливал татар, приблизившихся на дистанцию выстрела. Стреляю я недурно, не чемпион, конечно, но сорок пять из пятидесяти выбиваю. Так что брал у Ерохи заряженное ружьё, упирал сошки в парпет башни, да и выцеливал очередного кандидата на встречу с аллахом. Потом отдавал Ерохе разряженное оружие и брал следующее. Когда десятый татарин вывалился из седла, остальные стали держать дистанцию, а тут и наша кавалерийская засада подоспела, да эффектно-то как! Сначала из-за леса выехали шесть тачанок, и приблизившись к оторопевшим от наглости татарам врезали по ним картечным залпом. После него из леса, там, где был тайно и заранее сделан проход для конников, вывалилась плотная масса наших бойцов. В первых рядах, наклонив копья мчались тяжёлые рыцари. За ними более легко вооружённые всадники. Пока конники приближались к татарам, пушкари с тачанок успели дать ещё один залп, а потом и кавалерия подоспела. Удар был страшен. Татары не сумели создать даже подobia строя, тем более, что самые знатные как раз и держались ближе к лесу, вот и попали сначала под картечный залп, а потом и таранный копейный удар. Татары метнулись вдоль Псёла, но там их встретила артиллерийская засада остальных тачанок и вторая группа куда легче вооружённых кавалеристов. Вот они-то поразвлеклись! Говорят, провожали татар чуть ли не до Ворсклы. Да ещё конный полк совершил обход и ударил по татарам в тыл и фланг, отсекая обозы и перекрывая прямой путь к отступлению, так что тем пришлось рассеяться.

Одних только коней захватили четыре тысячи. Мне, при дележе добычи, достались две, одна из которых даже была похожа на породистую. Ещё мне выдали татарскую саблю и четыре рубля с полтиной денег: по полтиннику за каждого застреленного татарина. Один, оказывается остался жив и удрал. Может его потом и прикончили, но мне он в зачёт не пошел. А кони достались за удачную идею с картежницами, так я обозвал самые лёгкие из имеющихся пушек, которые я к тому же малость обкорнал, чтобы стали легче. Полтора рубля я честно отдал Ерохе, всё же он тоже немало потруился.

Князь Гундоров возглавил Горнозаводской приказ, но меня к себе пока не перетянул, тем более что я особо и не хочу в Москву. Там у него организационный период и мощная драка за каждое место в приказе. Знатнейшие лица государства бьются за своих протеже, так что в цене должности не только дьяка, но и дьячка. Но у Гундорова на руках шикарный козырь в виде царского указа, в котором чётко и ясно сказано, что подбор и расстановка кадров целиком и полностью в руках главы одного приказа. И что каждый сотрудник обязан пройти обучение и аттестацию, а продвижение по службе возможно только по результатам аттестаций, невзирая на происхождение и знатность. Тяжело ему там. Сейчас готовит восемь экспедиций на самые перспективные месторождения, которые будут разрабатывать государственные предприятия. Издан новый закон «О недрах», в котором все без исключения полезные ископаемые объявлены собственностью Русской державы, и частник может их разрабатывать только в двух случаях: если он уже этим занимался до выхода закона, но с условием, что он честно платил налоги. И второй случай, если государство откажется от разработки месторождения ввиду его незначительности. Такой вот привет частному капиталу.

С утра я совершил традиционный обход завода, переговорил с начальниками смен, и двинулся в заводоуправление на совещание.

– Александр Евгеньевич, почти все уже собрались, только начальник химической лаборатории задерживается. – доложил мне секретарь.

Секретарём у меня служит средний сын князя Мерзликина, причём об их родстве я узнал только придя к ним очередной раз в гости. Парень честно прошел испытания вместе с семью другими ребятами, и как лучший, пошел ко мне в секретари. Остальные отправились помощниками к начальникам цехов и лабораторий.

– Видимо философский камень сварганили, не в курсе, Родион?

– Скорее уж очередное мыло – усмехнулся секретарь.

– Ну да ладно. Как прибудет, пусть без доклада сразу входит. Вопросов много, тянуть времени нет.

Кабинет у меня просторный, у нём целых три окна, застекленных мутным стеклом, с сильным зелёным отливом. Зато это самые большие застеклённые окна на всей Руси, а может и в большей части Европы. Стекло это с нашего стекольного завода, но работает там только одна печь, и пока листовое стекло не производит, хотя заказов уже почти на семьсот рублей. Но мы денег не берём, ждём когда стекловары добьются нормального качества: в смысле, чтобы сквозь стекло было хорошо видно, и чтобы посторонним был только отлив, а не цвет стекла целиком. Сейчас печь варит стекло только на посуду для лабораторий. Со стекловаром получилось интересно: у князя Мерзликина был старый вой по имени Акакий Рожон, который в своё время попал в плен к татарам, и они продали его венецианцам. Шесть лет Акакий проработал на острове Мурано, но сумел убежать. Через Грецию добрался до Турции, нанялся матросом на торговый корабль, и когда тот пришел в Азов, благополучно с купеческим караваном вернулся оттуда домой. Акакий на Мурано участвовал в строительстве нескольких печей, работал подсобником при мастере, и даже сам выдувал несложные вещи. Сейчас Акакий отрабатывает технологию, загвоздка, как от утверждает, в очистке сырья.

Поздоровавшись с присутствующими я прошел на своё место во главе стола и уселся в кресло.

– Ну что, товарищи, начнём совещание?

Гул подтверждения пролетел по кабинету.

– Тогда, как всегда, прошу казначея обрисовать картину за последнюю неделю. С места, Ефим Иванович, и сиди, пожалуйста.

Ефим Иванович Сороко-Ремизов, старый уже мужчина, ему за пятьдесят. Раньше был ключником у боярина Трубецкого, из северской ветви этой фамилии, а как стали у него силы иссякать, выгнал его дурак-боярин. А вот нам пригодился: светлого ума и редкой работоспособности человек. Ефим Иванович мгновенно освоил арабскую цифирь, и теперь все выкладки делает исключительно ею. И метрическую систему он не только принял, но и добился от подчинённых чтобы они на службе пользовались только ею.

– За неделю мы потратили на уголь и другое сырьё, а также на оплату разных материалов, список коих, коли потребуется, тут же представлю, сто восемьдесят шесть рублей и сорок три копейки. За это же время мы произвели чугунных и железных изделий на сумму пятьсот шестьдесят девять рублей и шестнадцать копеек. Заказов, которые мы в состоянии удовлетворять, набралось на шестьсот десять рублей. То есть, мы работаем с большой прибылью. Однако у нас есть возможность значительно увеличить государевы доходы тем, что мы всё же начнём производить листовое стекло на продажу.

– Дрянное у нас пока стекло – возразил я.

– Уж какое есть. А раз люди готовы платить немалые деньги за такое, пусть платят. Настаиваю, чтобы этот вопрос был вынесен на голосование правления, тем более что почти все здесь.

– Как, товарищи, кто за производство стекла низкого качества, за которое готовы платить деньги?

Руки подняли почти все.

– Кто против?

Руку, кроме меня поднял лишь начальник механической лаборатории Орлик Ильич Оспищев. Ну с ним ясно: известный перфекционист.

– Принято большинством голосов. Ефим Иванович, тебе придётся озаботиться выделением потребных материалов и рабочих рук на это направление.

– Э-э-э... Вот так, сколько считаю нужным?

– Учитывая наши возможности, конечно.

– Тогда Акакий завтра же начнёт строительство ещё четырёх печей.

– А ты уверен, что такое количество продашь?

– Саша, а ты знаешь на сколько рублей у нас заказов? – взрывается казначей.

Несколько фамильярно, конечно, но этой золотой голове я многое прощаю.

– На семьсот рублей, вроде.

– А не хочешь, почти на две тысячи? Золотом.

– Откуда столько?

– Помнишь в том месяце были тут литвины, чугунные изделия торговали?

– Помню.

– Потом они почти час с улицы на твои окна любовались, у меня за сорок копеек серебром бракованный лист выторговали, а вот вчера заявили с эдаким заказом.

– Понятно. Что там по расходам на лаборатории?

– В эту бездонную бочку ушло без малого семьдесят три рубля. Ждём татарского каравана из Стамбула, должны привезти особо точные весы и прочие приборы и вещества, даже боюсь сказать в какую сумму это выльется.

– Учёным лучше знать, что им нужно. Это всё?

– Всё.

Старик доволен. Каждой секундой своей новой работы он подтверждает ничтожество своего прежнего работодателя. Там он считал копейки, а тут счёт ведёт тысячам рублей.

– Теперь прошу высказаться начальника рудника. Начинай, Сильвестр Григорьевич.

Начальник рудника молод, ему чуть за двадцать. По виду типичный гопник: низкий лоб, выдающаяся челюсть, сломанный нос, длинные руки... А на деле умница редкостный, прекрасный руководитель и вообще чудесный человек.

– Сейчас мы перестали отгружать руду, поскольку рудный склад на заводе заполнен. Добытую руду складываем под навесами, по бокам прикрываем фашинами. Когда ляжет снег, санями перевезём к заводу, это сбережёт нам много сил. Теперь о будущем. Как хочешь, Александр Евгеньевич, а с весны мы должны строить чугунную дорогу, о которой ты говорил. Трассу я уже проложил, мосты наметил, а также места под выемки. Вся трасса уложится в семнадцать километров.

– Добро. Смету работ согласуй с Ефимом Ивановичем, отливку рельсов согласуй с начальником литейного цеха.

– Ясно.

– Теперь своё слово скажет начальник литейного цеха.

Тоже интересный мужчина. Сын боярский, опытный воин, красавец мужчина, в одночасье потерявший всё. В бою потерял ногу, а жена, узнав об этом, убежала в Литву с полюбившимся. Так что теперь вся его жизнь – работа, и люди на него просто молятся: подчинённым он отец родной. Правда, я как-то видел, как он разбирается с нерадивыми работниками... Зрелище из серии «Я есть любить садо-мазо. Я есть вас садировать, ви есть получать наслаждение.»

– А что сказать. Работаем по плану. Рудный склад забит, угольный забит, строим ещё хранилище. По чертежам, что согласовали в прошлом месяце, начали отливать трубы для отвода колошниковых газов. Регенераторы уже строим, каменщиков сдерживает только производство огнеупорного кирпича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.